

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

ЗУБЫ ДРАКОНА

Александр Дмитриевич Прозоров

Зубы дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131786

Александр Прозоров. Зубы дракона: Лениздат, Ленинград; Санкт-

Петербург; 2007

ISBN 5-289-02436-0

Аннотация

Опасное это дело – посещение зубного врача. Засыпаешь в кресле, а просыпаешься в неведомой земле, где живут драконы и прекрасные женщины, где подвалы домов полны сокровищ, а сила заменяет закон. И хотя зубы после такого лечения становятся прочнее стали и способны крошить камень и прогрызать броню, платить за такие способности приходится кровью – своей и чужой.

Содержание

Часть первая	4
1. Мертвый поселок	4
2. Танец на поющем мосту	16
3. Сын убывающей Луны	31
4. Охотники на драконов	44
5. Советы зубного техника	63
6. Прогулка при луне	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александр Прозоров

Зубы дракона

Часть первая

Поселок охотников

1. Мертвый поселок

Розовый туман подернулся паутинкой трещин, разорвавших его на ровные, аккуратные ромбики – и стал медленно раздвигаться. Ромбики плавно вытягивались в длину, превращаясь в прямоугольники, выпячивались, желтели, пока внезапно не оказались обычными валунами стен. Две высокие, изъеденные водой и ветром, поросшие седым мхом желтые стены стояли по сторонам улицы, густо усыпанной ядовито-оранжевым песком. А над стенами в ослепительно-чистое, невероятно-синее небо круто лезли темно-серые склоны горы. Где-то там, в сумасшедшей выси, чуть ли не в стратосфере, их украшала сверкающая корона снега. Радостную картинку немного портили разбросанные кое-где на хребте пятна зарослей; то ли леса, то ли кустарника. На таком расстоянии они казались просто сырой зеленой плесенью.

В воздухе висел непрерывный шелестящий гул, словно хлестала вода из разорванной трубы. Пахло свежим весенним дождем и – немножко – тухлятиной. Солнце палило с такой яростью, будто рассчитывало на тринадцатую зарплату, и кожа бессильно плавилась под жаркими лучами. Вдобавок по улице пробегали легкие вихри, подхватывали с земли крупные, тяжелые песчинки и больно стучали ими по обнаженному телу. Левая рука затекла и почти не ощущалась, жутко ныла спина, а во рту стоял солоноватый привкус крови.

«Может быть, есть смысл встать?» – всплыла в сознании до неприличия здравая мысль. Можно даже сказать, неуместная. Я всем нутром ощущал чуждость мне тела. Вот сознание было мое, это да. Не отрицаю. Но оно вело пребывало само по себе, без всякой связи с брэнной плотью. Я ощущал себя как бы за занавеской, за тонкой, но плотной пленкой, надежно отделяющей душу от тела.

Однако, сколько можно здесь лежать? До тех пор, пока вездесущие муравьи норы в мышцах не прогрызут? Сознание, конечно, способно обойтись без плоти. Но только в том случае, о котором думать не хотелось.

Наверное, еще немало времени могло уйти на брожение мыслей, если б не очередной мини-смерч, резко хлестнувший песком по обожженному телу. Невольно вздрогнув, я застонал, оперся руками о землю и осторожно принял сидячее положение. Вопреки ожиданию, ничего не болело. Тогда

я, уже более смело, встал и решительно направился в сторону тени, заманчиво темнеющей возле одной из стен. И напрасно – босые ноги словно попали в сугроб, а тело обдало морозом. Я шарахнулся обратно на свет, посмотрел на ноги – не покрылись ли инеем? – а потом резко дохнул в тень. Пара изо рта не пошло. Значит, температура там выше плюс восьми. Сунул в тень руку. Холодно. Не веря в такую подлость здешней природы, я прошелся немного вдоль стены, выбрал благопристойное место возле покосившейся калитки из толстых трухлявых досок и сунул в тень палец ноги. Увы, рядом с калиткой тоже царила зима.

Осталось только тяжело вздохнуть. А в голове тем временем зашевелилась очередная здравая мысль: «Интересно, а почему я голый?»

Я был совершенно наг, от макушки до ступней, готовых вот-вот зажариться на раскаленном песке. И в тело по-прежнему били, точно маленькие пули, оранжевые песчинки, и солнце норовило сгрызть кожу на плечах до костей. А главное – я никак не мог понять, где нахожусь.

Высокие стены из крупных желтых валунов вдоль улицы, монументальные двухэтажные дома с провалившимися крышами, узкими окнами без рам и рваными дырами в стенах. По одну сторону улицы короткие тупички упирались в гору: мертвые дома цепко вскарабкались на высоту в пять-шесть этажей, держась стенами за склон. По другую сторону – коробки остовов виднелись на сотни метров, вместе с густо-зе-

леными шатрами деревьев возвышаясь над гребнями стен. Дальше, за ними, парился в полуденном зное склон другой горы. А впереди, там, куда уходила пустынная улица, отвесная горная стена пряталась за дымкой тумана. Я оглянулся. Позади также высился монументальный скалистый отрог с зеленоватой сверкающей шапкой. Высокий. Итак, я был в долине. В горной долине, окруженной непроходимыми высокими кряжами. Вот так сюрприз!

«Амнезия...», – забрела в сознание очередная «мудрая» мысль. Потеря памяти. Потому как в памяти я был Игорем Сомовым, водителем давно списанного медицинского «Рафика» в доме для престарелых на Звенигородской улице. Воспоминания о слякотном осеннем Питере для этой деревеньки явно не годились. Или, может быть, меня перебросило во времени? Нет, это бред еще больший. Горы вокруг Петербурга никогда не водились и пока не собираются.

Так что же делать? Правая рука без всякого влияния разума скользнула вперед и прикрыла ладонью от возможных опасностей величайшую ценность организма, болтающуюся внизу живота. Из губ вырвался тяжкий стон. И весь этот телесно-духовный разброд мне наконец надоел. Я шагнул в тень и прижался к ледяной стене, дыша морозным воздухом, пропитываясь зимним холодом насквозь, до самого мозга костей, а потом, когда кожа ошетибилась мурашками, а зубы стали выбивать походный марш, выдвинулся обратно на раскаленный свет. Содрогнувшись под двумя теплыми удара-

ми, распутившиеся детали организма съжились и разбежались по местам. Сердце застучало четко и ровно, легкие до самых глубин наполнились свежим влажным воздухом, мозги прочистились и заработали четко и внятно.

Итак, где я? Заброшенная горная деревушка. Войны здесь не было – при попадании снарядов содержимое домов обычно выбрасывает наружу, а здесь крыши везде провалились вовнутрь. К тому же нет следов пожаров.

Вывод – поселок умер своей смертью. Брошенный людьми, он медленно разлагается сам по себе, и скоро останется только скелет из каменных ребер и позвонков.

Что делать? Искать людей. Такой большой поселок – тысячи на три народу – не может быть брошен сразу всеми. Наверняка где-то ютится пара старичков-пенсионеров, не пожелавших бросить родные места на старости лет, бродит какой-нибудь полусумасшедший краевед-любитель, растягивает шкурки привыкший к одиночеству охотник. Не может быть иначе. Они выведут на дорогу, укажут ближайший транспорт. А если повезет, то и телефон найдется. Вполне могли сюда связь провести, пока население еще не разбежалось.

Вопрос последний: как заставить правую ладонь покинуть боевой пост? Сила воли с ней справиться не может.

Ответ: заглянуть в любой из брошенных домов и найти какую-нибудь подходящую по размерам тряпку. Хоть с огородного пугала снять. А то, чего доброго, туземцы нудист-

ского наряда спужаются, за психа примут. Попробуй потом с ними контакт наладить!

С этим благим порывом я и взялся за покосившуюся калитку. Древесина опала пылью, словно пепел с сигареты, улетела в сторону легким облаком. И я понял, как здорово влип...

За калиткой лежал скелет. Сияющие белизной до боли в глазах косточки, одна нога чуть изогнута в колене, рука вскинута к подбородку. Нижняя челюсть отпала вниз, демонстрируя ровные, здоровые зубы.

Зубы. Я пришел сюда, чтобы вылечить зубы, – не к месту всплыло в мозгу. Я попятился и обессиленно сел у стены.

Да, сюрприз. В селениях, где есть хоть один живой человек, останки не валяются во дворах.

Вывод? Поселок мертв, Игорек. Ты здесь один.

Над улицей дрожал воздух. Он рвался вверх, утекая к небу тонкими гибкими струйками, ручейками, потоками, которые время от времени скручивались в жгуты маленьких смерчи и уносились прочь, разбрасывая зернистый оранжевый песок. Голова под волосами зудела, словно туда забралась сотня клопов и устроила банкет. Почесать голову оказалось невозможно – волосы так нагрелись под солнцем, что прикосновение к ним было равносильно поглаживанию паяльника. Будь я лысым, уже бы помер. Попадавший в легкие воздух не освежал, а давил парной духотой. И вдоба-

вок страшно хотелось есть. Пожалуй, даже жрать. Ведь перед наркозом есть запретили...

Стоп! Я попытался поймать за хвост ускользающую мысль... Наркоз... Был наркоз... Может, меня под наркозом того... увезли куда?.. Но почему? Зачем? Ведь я сам согласился...

На что?

И тут мне прямо на щеку с громким зудом спикировала муха. Я согнал ее, потеряв одновременно и цепочку воспоминаний. Муха описала короткий полукруг и с ходу попыталась влезть в ухо. От удара у меня зазвенели барабанные перепонки, вылетели остатки памяти и резко заныло в шее. Я явственно ощутил, как под ладонью моя аристократическая ушная раковина превращается в плоский блин. Самое обидное – гнусная крылатая тварь нисколько не пострадала. Она уже лезла мне под мышку. Резкий удар! З-з-з-з... Черная небольшая муха, уверенная в себе, совершила неторопливый облет доставшегося ей куска человечинки. Я попытался поймать ее в кулак. Раз... Еще раз... Как бы не так. Рассадница инфекций была вертлявой и глазастой.

– Ну, погоди, скотина беспородная! – Вскочив, я попытался прихлопнуть ее ладонями. После двух-трех минут бурных аплодисментов муха отошла на заранее приготовленные позиции, повиснув в полуметре над головой. Я погрозил кулаком. Она стала описывать широкие круги, как акула перед атакой. Я хмыкнул и сделал вид, что больше ее не замечаю.

Апатия исчезла, как и не было, немного отпустила душу щемящая тоска одиночества. Чего скулить? Здесь же жили люди. Они не могли унести с собой сады и огороды. Пусть прошло несколько лет, но на бывших грядках обязательно какая-нибудь репа или морковка найдется. Где всю убрать не успели, где самосадом расплодится. Культурные виды, они тоже плодятся и размножаться умеют. А всякие груши-яблоки? Дерево, оно растение долгоживущее. Вон сколько крон над каменными заборами торчит! Тем паче, сейчас осень. В это время года с голоду не умирают. Наверняка и одежку старую в домах раздобыть можно. Не станут же люди все тряпье с собой тащить? В общем, не пропаду. А там, глядишь, и дорогу отсюда найду.

Начинать нужно с одежды – плечи уже огнем горят. Еще час-другой, и солнце разделает их, как бобер осину – под корешок.

Я огляделся, прикидывая, откуда начинать поиск, и замер, увидев ее... Как раньше не заметил такую красотку? Она спала почти в самом конце улицы, ясно видимая на фоне облаков пара. Она млела, вытянувшись во весь рост прямо на каменном заборе. Рыжая, пушистая... Как еще не изжарилась в таком пекле? Невероятно. Но она была здесь, символ жилья и уюта, она никуда не исчезала – очаровательная пухлая кошка.

Отчаянно косолапя – подошвы ног горели от раскаленного песка не меньше плеч, – я заковылял к ней. С каж-

дым шагом шелестящий гул, постоянно дрожавший в воздухе, усиливался и усиливался, грозя перейти в рев, повеяло свежестью, прохладой, влажной нежной лаской морского прибоя. Кошка подпустила меня метров на пять, приоткрыла один глаз, задумчиво потянулась, перевернулась через спину и брыкнулась куда-то по ту сторону стены. Но мне было уже не до нее.

Улица кончалась ровной каменной площадкой, огороженной невысоким поребриком, а от площадки вниз, в глубину огромного – не меньше полтора метра в диаметре – колодца, уводила вырубленная в камне лестница. И туда же рушился со скального уступа непрерывный поток воды, целая река тяжелой, плотной, почти стеклянной массы. Водопад бил в глубину колодца с такой силой и яростью, что наверняка уже давно прошел Землю насквозь, и сейчас вырывается где-нибудь в Исландии гигантским гейзером.

Водопад поражал своей мощью и величием. Никогда в жизни не видел ничего похожего – тем более вблизи. Поток отрывался от скалы примерно в пятидесяти метрах над головой и с огромной скоростью пролетал мимо меня в считанных шагах. Казалось, сунь в него руку – оторвет. А под ногами бурлил гигантский котел. И из этой кастрюльки неоглядного диаметра вырывались клубы дышащего свежестью пара, и на каждом облачке – радуга. Разноцветный мост через пропасть: дуга, кусочек дуги, полоска, маленькая цветная искорка – феерия прохлады и красок под ослепительным

небом.

Я намок в доли секунды, и удовольствие сменилось раздражением. Все, казалось, чистое тело покрылось грязными потеками, из-под волос покатались едкие теплые капли. Короче, раз уж нашлась вода, да еще в таком количестве, имело смысл искупаться.

Лучше бы я ходил грязным!

«В жизни всегда есть место подвигу», – очень любила говорить наша учительница литературы. Материальным воплощением ее слов оказалась лестница, на которую я имел глупость ступить. Крутая – почти отвесная, узкая, мокрая, со стершимися ступеньками и без малейшего признака перил, она куда больше напоминала горку для ныряния в бассейн, нежели приспособление для удобного спуска. Если я не побежал обратно вверх, то только потому, что боялся разворачиваться. Трудолюбивый мастер из глубины веков вырубил сие сооружение прямо в теле скалы, поэтому стена плавно перетекала в потолок. Причем очень быстро. Изогнутая в сторону пропасти стенка опасно смещала центр тяжести тела в сторону бурлящей ревущей бездны. Как там в сказке о Коньке-Горбуньке? «Бульк в котел, и там сварился». Ступени, поначалу казавшиеся приятно-прохладными, уже ощутимо морозили подошвы ног. О, где ты, милый, нежный, хороший, горячий песок?! На глаз глубина колодца казалась метров в сто, а лестницу в нем ухитрились сделать длиною

в бесконечность... Может это и не лестница вовсе, а местный эквивалент гильотины? Нет, лучше бы мне ходить грязным...

Когда я уже совсем было смирился с предстоящим путешествием к центру Земли, лестница внезапно завершилась. Небольшая каменная площадка, двойник той, что наверху, висела в пронизанном радугами пространстве неподалеку от грохочущего облака, в котором исчезал могучий поток водопада. Лучи солнца бесследно растворялись в глубинах вспененного мрака, и только по танцующим на мелких волнах листьям кувшинок можно было угадать границу воздуха и воды. Переведя дух и кое-как успокоив судорожно трепыхающееся в груди сердце, я опустился на колени и зачерпнул ладонями пустоту.

Боже мой! Это был кипяток! Во всяком случае, в первый миг я ощутил настоящий ожог, и только через секунду осознал, что вода просто очень холодная, холодная настолько, что сугроб по сравнению с ней показался бы сауной. Желание купаться испарилось мгновенно, не оставив ни малейшего следа. Стиснув зубы, я вновь окунул руки в жидкий лед, сорвал три плававших поблизости крупных листа водорослей, смочил влажными ладонями волосы и отправился наверх.

Подниматься, как известно, намного легче, чем спускаться. Через минуту я, мурлыкая от наслаждения, уже подставлял покрытое мурашками тело дуновениям теплого, нежно-

го ветерка. После могильных глубин колодца поселок выглядел не столь уж и мрачно – яркая оранжевая улица, светлые желтоватые стены, изумрудно-зеленые кроны деревьев. Рай земной! Вот только живот подвело. Пора было бы уже заняться поисками одежды и хлеба насущного.

Два листа кувшинки я положил на плечи, а третий попробовал пристроить туда, где у Адама находился фиговый листок. Не знаю, за какое место цеплял свой листик прародитель человечества, но мне укрепить его так и не удалось. В конце концов я прикрыл листом голову, и в таком клоунском наряде отправился в экспедицию.

На ближайшие к водопаду дома тратить время не стоило – высокая влажность, а значит плесень, грибок, труха. Вряд ли чего уцелело. Но вот метрах в ста от колодца, прячась за двумя раскидистыми деревьями, прижимался к скале трехэтажный особняк, крыша которого, крытая черепицей, успела осесть только с одной стороны. Жили там, похоже, люди зажиточные, барахлишко их под открытым небом еще не побывало. И осмотреться с высоты было бы неплохо.

Стряхнув налипшие на мокрое тело песчинки, я направился к облюбованному дому, но не успел пройти и полдороги, как услышал негромкий женский голос:

– Эй, охотник, ты кто?

2. Танец на поющем мосту

Голый король из сказки Андерсена, когда обнаружил свою наготу, сумел сохранить достаточно мужества и самообладания, чтобы закончить шествие. Я подобной силой воли не обладал, а потому пулей юркнул в ближайшую калитку и съезжился за стеной, прикрыв «срам» сдернутым с головы листом кувшинки.

– Откуда ты, охотник? – переспросил голос заметно более веселым тоном.

Хотел бы я сам знать ответ на этот вопрос...

– Ты из Небесного Города? – не унимался голос.

Нужно было отвечать, пока неведомой «туземке» не надоела моя игра в молчанку.

– Нет! – крикнул я, осторожно выглянув краем глаза на улицу. Там было пусто.

– Ты из Долины Драконов?

– Откуда?! – от изумления я забыл обо всех уже случившихся напастях. Только драконов мне тут не хватает!

– Ты из пустыни драконов? – поправился голос, однако для меня смысл вопроса совершенно не изменился...

Долина Драконов, мертвый поселок, скелет за трухлявой калиткой...

Здесь водятся драконы... Значит, мокрый Питер, высокие каменные дома, людской муравейник, метро, повоз-

ки, бегающие без лошадей, говорящие шкатулки – все это сон, видение, каприз больных мозгов, потерявших в фантазиях истинную память... А реальность – это огороженное горами пекло рядом с ледяным водопадом. И драконы. Интересно, какие они? Летают и дышат огнем? Или просто ползают по ущельям, подъедая случайных путников? Мне что, придется с ними драться?

– Эй, охотник! – забеспокоился голос. – Ты там, часом, не умер?

– Послушайте, э-э... леди, – попросил я, – у вас не найдется какой-нибудь ненужной одежки? Честное слово, совершенно не могу соображать, гуляя в голом виде. Особенно, когда поблизости имеются дамы. Век благодарен буду.

На сей раз примолк голос. Через пару минут я забеспокоился и высунул голову на улицу. Впрочем, все равно ничего не увидел.

– Ты не из Долины Драконов? – опять переспросил голос.

– Да нет же! Я вообще про нее первый раз слышу!

– Тогда откуда ты?

– С Луны свалился! – выкрикнул я расхожую фразу.

– С Луны? – удивился голос, и после короткого колебания сообщил: – Хорошо, я принесу тебе рапсодию. Но только на время!

Можно было подумать, что в падение с Луны невидимая собеседница поверила всерьез. Где же это я? И кто я? Убей меня бог, но сколько стоит в рублях подвесной подшипник

для «Латвии» помню, а как выглядят драконы – нет. Может, тут еще тролли и феи водятся? А голос принадлежит прелестной принцессе, которую нужно спасти... Хотя место тут для королевства не фонтан. Размеры долины не ахти. Да и людишек, похоже, уже пожрали.

На улице под неторопливыми шагами закрипел песок.

* * *

Это оказалась не принцесса. Скорее – королева. Лет сорока, с хорошо развитыми формами и густыми темными кудрями. Естественно – под здешним солнцем без хорошей копны волос человеку долго не протянуть. Тепловой удар обеспечен.

Одета она была в длинное белое платье с широкими проймами для рук. Единственным украшением служил длинный тонкий красный пояс; он вился сложным кружевным плетением от талии вверх, плотно прижимая ткань к телу, подчеркивая высокую грудь и широкие бедра. У женщины сохранилась отличная фигура, только не того модного ныне дистрофичного типа «ноги – спички, талия – кошачий хвост». Ее красивое, здоровое и сильное тело могло вызвать зависть и у Кшесинской, и у Павловой, и у жизнерадостных девушек, которых так любят показывать в хронике сталинских годов... Если только они не плод моей больной фантазии...

А вот на ногах у нее оказались не туфельки, и даже не кроссовки, а обыкновенные обмотки. Серая грубая ткань, обернутая вокруг ступни и голени, и туго обвязанная алым ремешком – по типу высокой шнуровки древнегреческих сандалий.

– Эй, охотник, ты еще здесь?

– Куда же я денусь? – выглянул я в калитку.

– Вот, – протянула она сверток, – рапсаны и старая рапсодия. Отдашь, когда себе новые сделаешь.

Я втянул подачку к себе за забор и развернул. В ней оказались два куска ткани, похожей на мешковину, длинная черная лента и широкий отрез с большой дырой для головы посередине. Похоже, этот вид одежды и назывался здесь «рапсодией». Прикрыв наконец-то наготу, я тихонько зашипел от боли в обожженных плечах, подвязался сложенным в несколько раз пояском и вышел к «королеве».

– Вот ты какой, лунный охотник... – она окинула меня оценивающим взглядом и потребовала: – Рапсаны одень, ноги испортишь.

– Эти? – я взялся за куски мешковины, стараясь обмотать их вокруг ног примерно так, как это выглядело на женщине. Она с интересом наблюдала за моими манипуляциями. Вскоре на губах ее заиграла улыбка.

– Ты что, рапсанов никогда не видел?

– Нет...

– Дай сюда! – она присела на корточки, быстро и плотно

обернула мои ноги, потом сверху вниз затянула ремешком.

– Понятно?

– Попробовать надо... – осторожно ответил я.

– Да? – она выпрямилась и пытливо заглянула в глаза. – Ты правда никогда их не носил? Твои ноги слишком изнежены для босых прогулок...

– Я всю жизнь ходил в ботинках.

– А что такое боти-нки?

Я промолчал. Как можно объяснить, что такое ботинки?

– Боти-нки, – задумчиво потянула женщина. Пурпурные брови и ресницы – такова, видать, здешняя мода – несколько не портили ее лица. Голубые глаза, чуть вздернутый нос, розовые губы, золотисто-коричневая кожа. Неброская, приятная красота. – Боти-нки... Конечно, ты мог прокрасться из Долины Драконов так, что тебя никто не услышал в Говорящей Скале. Тебя могли выбросить голым из Небесного Города, хотя такого никогда и не было... Но не знать рапсанов... Боти-нки... Похоже, ты действительно упал с Луны...

– И так треснулся, что память отшибло. Где я вообще нахожусь?

– Так прямо и не знаешь? – засмеялась она. – Это поселок охотников на драконов. А приехал ты за плотью. Больше здесь искать нечего.

– Плоть? Зачем?

– Кости дракона – это тело дракона, сердце дракона – это любовь дракона, мясо дракона – это жизнь дракона, зубы

дракона – это воля дракона, мозг дракона – это смерть дракона... – слегка нараспев проговорила она. – Если дать самому холодному и жестокому человеку съесть хоть немного сердца дракона, он начинает жаждать любви, если дать мяса, человек, даже смотрящий в лицо смерти, оживет, любые болезни отступят, любые раны затянутся. Если съесть немного мозга дракона, то душа отправится в черные владения Повелителей Зла, пройдет путями Смерти и рождений, но всегда сможет вернуться обратно.

– А кости дракона?

– Порошок из костей дает силу самой истощенной земле, и плоды ее сохраняют здоровье. Поэтому в нашем поселке никто и никогда не болел.

– Где же тогда все люди?

– Люди?.. – она смолкла, отвернувшись, долго и угрюмо смотрела вдоль улицы, весело шевелящийся оранжевыми вихрями, потом вздохнула. – Последнего дракона закололи больше ста лет назад. С тех пор в нашей долине убивают только людей.

Я невольно поежился, и тут же вскрикнул от острой боли в плечах.

– Что случилось?

– Да вот, догулялся, – я приподнял грубую ткань и тихонько подул на плечо, потом на другое.

– В нашей долине теперь убивают, лунный охотник, – с грустной улыбкой сказала она, – но никто и никогда не бо-

леет. Пойдем.

Мы направились прямехонько к понравившемуся мне трехэтажному особняку. Двор дома был усыпан песком и гниющими плодами двух огромных шелковиц.

– Осторожней, не наследи, – предупредила «королева», осторожно ступая по краю двора. Мы на цыпочках добрались до дверного проема, поднялись на крыльцо. На полу комнаты, в самых живописных позах, лежали три скелета.

– Господи, откуда же их столько?

– Когда не стало драконов, охотники попытались захватить Небесный Город. Тогда властители высыпали в реку весь мозг дракона, который был в городе. А воду из реки пьют все. Души жителей поселка ушли по путям Смерти, и они стали убивать друг друга. Потом по реке спустились сыновья властителей, и бились с теми, кто остался жив. Мало кто уцелел. Сыновья властителей разрушили лестницу, мост и ушли обратно в город. Но четверо из каждых пяти остались лежать здесь, – не без гордости закончила она, вылезла из окна на скальный уступ и, прижимаясь спиной к горе, пошла по нему.

– А потом? – спросил я, выбираясь следом за ней.

– Потом охотники стали уходить за Долину Драконов и брать все, что хочется, у купцов. Но последние годы купцы ходят с воинами... – Она двигалась по карнизу маленькими шажками. – Охотникам приходится теперь путешествовать за добычей очень далеко. Они боятся, что без них накоплен-

ные сокровища кто-нибудь украдет и уже несколько раз пытались перебить всех жителей долины. Но нас не так просто найти.

По скальному карнизу мы прошли над забором в соседний двор, почти до самого дома. «Королева» легко спрыгнула на песок между стеной и большой каменной чушкой.

– Вот видишь, – она указала в сторону улицы, – трава там растет нетронутая. Видно, что к дому никто не ходит. А на камнях следов не остается. Никому и в голову не придет, что мы через соседний дом пробираемся.

– И много вас тут прячется?

– Много. Человек тридцать, наверное... – женщина запустила руки себе в волосы и хорошенько их встряхнула. – Охотники несколько раз из пленных сторожевых драконов делали. Боятся. Ты постой здесь, хорошо?

Я сел на чушку, приподнял ткань рапсодии и снова подул на раскаленные плечи. «Королева» ушла за дом и через несколько минут вернулась с большим медным кувшином и двумя корнеплодами, похожими на свеклу.

– В Колодец ты, как я помню, спулся. Но вот сильно сомневаюсь, что ты там пил. Хочешь? – она протянула мне кувшин.

– Еще как! Спасибо, – я прильнул к теплой, чуть кисловатой воде, сделал несколько глубоких глотков, потом взялся за плоды и спросил: – А что такое «сторожевые драконы»?

– Это зубы. – Она присела на камень под окном. – Зу-

бы дракона большая редкость. Они растворяются в человеческой крови, поэтому, если на охоте погибнет, или даже просто будет укушен хоть один человек, то дракон остается без зубов. Порошок из зубов – это воля дракона. Когда они вырастают, ничто не может противостоять их жажде крови. Если дать порошка кошке, и посадить ее в дом, то она будет уничтожать все живое, до чего только дотянется. Она не будет признавать ни хозяина, ни своих котят, ни котов. Она будет уничтожать все, от чего пахнет жизнью и теплой кровью. Если дать порошка человеку, он станет таким же...

Плоды на вкус удивительно напоминали обычную морковь. После первых же проглоченных кусочков, я почувствовал, как в висках упруго застучал пульс, глубже стали наполняться легкие, перестали ныть ступни ног и плечи. «Королева» сидела, откинувшись на стену, закрыв глаза и прикрыв их рукою от солнца. Лучи играли в ее волосах, резко очерчивали грудь, грели колени. Всегда восхищался женщинами, сумевшими сохранить себя, остаться вне времени, даже победить его. Сколько моих ровесниц опустилось, обрюзгло, просто постарело. А эта женщина... На сколько она старше меня? На десять лет? На двадцать? Но я уверен, что любой мужчина по ее приказу кинется в пасть тигра или пройдет сквозь пламя. Да что там любой, я и сам ради ее благосклонности хоть сейчас готов сразиться с драконом не очень крупных размеров...

– Что ты на меня так смотришь? – она внезапно открыла

глаза.

– Ты удивительно красива, Королева! – искренне ответил я.

– Не королева. Меня зовут Тхеу, – она буквально выдохнула этот слог.

– Тхеу, – попытался я повторить ее произношение. – Тхеу. А меня зовут Игорьь.

– Иго р-р-р, – зарычала она на последнем слоге.

– Почти похоже, – рассмеялся я.

– Иго р-р-р, – повторила она. – Странное имя. Что оно означает?

– Ничего. Это просто мое имя.

– Ты что, сказал мне настоящее имя?! – она резко выпрямилась, на лице выразилось такое изумление, что в мозгах моих моментально зашебуршились шестеренки и почти сразу выдали справку из курса средней школы: в первобытных племенах истинные имена принято скрывать, во избежание сглаза и колдовства. Люди живут только под прозвищами.

– Да, – подтвердил я, – это настоящее имя! – И осторожно предупредил: – Но ты можешь не называть своего истинного имени. Не нужно.

Во взгляде ее светилось такое восхищение, словно я только что разорвал голыми руками пасть саблезубого тигра.

– Тхеу, – сказал я, чтобы прервать паузу. – Звучное имя.

– Оно означает «дыхание красоты».

– Ты действительно очаровательна! – и я с ужасом вспом-

нил, как должен выглядеть со стороны. Высохшие волосы наверняка торчат в стороны, как заросли малинника, на лице грязные потеки от воды, да еще руки, белые по локоть после того, как в воду слазил. Мыться! Немедленно мыться, пока не выгнали как замарашку! Чтобы прилично выглядеть, я был готов кинуться даже в холод водопада, но сперва решил-таки спросить хозяйку. – Тхеу, а где мне можно вымыться?

– Что?

– Ну, отмыться, очиститься?

– Ты хочешь танцевать?

– Нет, избавиться от всей этой грязи, – я широкими жёстками показал, как соскабливаю с себя кожу.

– Я все поняла. Тебе нужно танцевать на Поющем Мосту... А, ты не знаешь Моста, – спохватилась она. – Ничего, мы пойдем вместе.

– Ладно. Пусть будет мост. – Спорить с красивыми женщинами глупо. Особенно не зная местных условий. Может у них баня так называется!

– Иго р-р-р, – тихонько шепнула она, – я буду звать тебя Лунным Охотником, а то кто-нибудь может услышать настоящее имя.

– Хорошо. – Уж это-то мне абсолютно все равно. Лишь бы мое имя звучало в ее устах как можно чаще.

Тхеу повела меня к водопаду, потом вокруг гигантского Колодца – пока не показалось узкое ущелье, по которому устремлялась на волю вода. Над водою рваными клочьями бешено уносилась прочь пена, радужным потоком неслась мелкая водяная пыль.

«Это же элементарно! – сообразил я – воздух остывает у воды, тяжелеет, и низом, по речному каньону, устремляется прочь. А из Долины Драконов, которую Тхеу один раз назвала пустыней, горячий воздух стремится сюда. Естественная аэродинамическая труба с постоянной тягой. Наверняка именно поэтому любой шаг во входном ущелье хорошо слышен во всем поселке... Только где здесь мыться?»

И тут показался мост. Он парил в воздухе метрах в пятидесяти от входа, изящный, как крыло авиалайнера, одним концом упираясь в глухую стену по ту сторону ущелья, а другим легко касаясь этого берега. И он пел. Он пел низко, как контрабас, чисто, как скрипка, и с легкой душевной грустью.

Мелодия плавно колебалась, в зависимости от количества пролетающей снизу пены, но не смолкала ни на секунду, бросая вызов вечности, создавшей из камня это чудо.

– Возьми, – протянула Тхеу сложенный вчетверо зеленый влажный листок. – Только не глотай. Его нужно жевать.

От листка во рту сразу стало вязать, слегка «поплыло» в

голове, а мелодия Моста вкрадчиво забиралась в мысли, в движения, в кровь. Язык немел, слюна высохла, только челюсти неторопливо двигались в такт музыки.

Ласково и тепло дохнул ветер, подхватил Тхеу, вынес ее на Поющий Мост и плавно закружил в танце. Зашевелились, потянулись вслед за улетающей на свободу пеной иссиня-черные волосы. Она танцевала, запрокинув голову, вскинув к небу руки, плавно изгибаясь, и ветер жадно, похотливо обнимал ее тело, обвивал тканью рапсодии, нежно касался груди, бедер, живота, спины, словно сходя с ума от страсти.

Она была прекрасна. Божественна и соблазнительна. Она была сказочно красива. Она была безнадежно красива. Никогда я не решусь подойти к столь восхитительному существу, обнять, поцеловать. Как не решился подойти к практикантке Свете в прошлом году, как не решился поцеловать Юркину сестру, как не решился заговорить с врачихой из зубной поликлиники. Невысокая такая, симпатичная. С длинными светлыми волосами. Она делала рентгеновский снимок зубов, а я все думал, как с ней заговорить. Так и не решился.

Между прочим, обручального кольца у нее на пальце не было.

– Проведите языком. Ничего не мешает?

Тяжелый, пухлый язык еле шелохнулся, но лишнюю деталь ощутил:

– У переднего зуба какой-то кусочек...

– А, это пломба. – Рука опустила в рот железный крючок. Щелк! – Порядок.

– Что, уже все? – Я прищурился. Над марлевой повязкой смотрели на меня заботливые серые глаза.

– Нет. Еще один зуб надо вырвать. Как тебе наркоз?

О, господи! Так это наркоз! Я же просто лечу зубы под общим наркозом!

– Классно! Как в романе Клайва Баркера побывал!

– Еще хочешь?

– А как же? Мне еще принцессу надо спасти.

– Прекрасно. Ну, тогда поехали...

А Мост пел и пел, завораживая, околдовывая в кружении танца. Ноги сами шагнули вперед, закручивая тело по часовой стрелке, ветер подхватил мои волосы, рапсодию, руки, обнимал теплом, ласкал лицо, гладил миллионами мельчайших песчинок, насквозь пронизывающих ткань. И каждая песчинка уносила с собой крохотную частицу грязи с моего тела. Миллионы песчинок, миллионы частиц. Я просто ощущал свою чистоту, девственную открытость кожи. И еще чувствовал рядом невероятнейшую из женщин, ее красоту, ее движения, ее танец. Воплощение моих тайных желаний, порождение воображения. Ведь это всего лишь наркоз. Сон. Фикция. Здесь можно все. И я целовал ее губы, глаза, волосы, дышал ее смехом, обнимал ее тело, срывал бесконечно длинный пояс, пока наши рапсодии не разлетелись белыми крыльями, а потом мы любили друг друга на жарком оран-

жевом песке, рядом с Поющим Мостом, под грустный переливчатый романс вечности.

Она лежала на моих руках в блаженной истоме, и мне не хотелось отпускать ее ни на секунду – хотелось трогать губами розовые соски, ласкать бедра, ловить легкие улыбки, я не мог расстаться с нею ни на миг, а меня поднимали под руки, вели...

– Уже все, все закончено.

Из стоматологического кабинета меня вежливо, но твердо поддерживая под локоток, вывели в соседнюю комнату, разделенную занавесками на три кабинки. Посадили на топчан.

– Приляг, отдохни. Потом тебе все рассчитаем. Отдыхай.

С той же корректностью уложили на спину и заботливо укрыли байковым одеялом...

3. Сын убывающей Луны

– Поднимайся, скоро настанет вечер, – услышал я, и прохладная ладонь нежно коснулась моей щеки. – Ты меня слышишь, Лунный Охотник?

– Как? – я невольно вздрогнул и открыл глаза.

Тхеу сидела на коленях рядом и нежными, невесомыми движениями ласкала мое обнаженное тело. На губах ее блуждала мягкая, задумчивая улыбка. А за спиной выгибался Поющий Мост. Уже давно накрыла нас тень от высокой стены ущелья, и только сияющие верхушки скал подсказывали, что яркое солнце еще не покинуло неба.

– Проснулся? – она пригладила мне волосы. – Поднимайся, пора.

– Сон... – это был всего лишь сон! Похоже, листья, которые мы жевали перед танцем, обладали сильным галлюциногенным эффектом. Я поймал ее руку и прикоснулся губами к ладони. – Как хорошо, что ты существуешь на самом деле. А то мне такое причудилось...

Она засмеялась и вдруг с внезапной силой прижала меня к груди... но уже в следующий миг резко оттолкнула и вскочила на ноги.

– Поднимайся, Лунный Охотник, нам нужно успеть сходить на мои грядки и вернуться к вечернему костру.

– К какому костру? – я поднялся и накинул рапсодию.

– Мы же не можем разжигать очаг каждый для себя; тогда нас быстро найдут. По огню, по запаху, по дыму. Поэтому каждый вечер поселок устраивает костер для всех. Пойдем, а то можем не успеть.

На этот раз, вернувшись к поселку, мы не свернули на улицу, усыпанную песком, а прошли по самому краю обрыва, вдоль осевших сырыми грудями брошенных домов. Рядом со скалой, обрушивающей в Колодец водопад, оказался узкий утоптаный проход, который и вывел нас на небольшую, густо заросшую высокой изумрудной травой полянку между горой и стенами ближайших домов.

– Здесь раньше стояла лестница к Небесному Городу. А когда ее сожгли, остался лужок. Никто тут сеять даже не пытался. Боялись, что заметно будет. А я попробовала. Смотри, – она присела на корточки и раздвинула траву. Из одиночной лунки, сантиметров двадцать в диаметре, торчали мясистые широкие листья, похожие на свекольные. – Это магола. Весь луг засеян, а ничего не видно, правда?

– Ни за что бы не подумал, – я наклонился и раздвинул траву рядом с собой. С третьей попытки мне удалось обнаружить точно такую же лунку. – Здорово! С двух шагов незаметно! Тхеу, ты гений маскировки!

– Ага, – скромно согласилась она и быстрыми, привычными движениями вырвала три клубня. Каждый размером со среднюю кастрюльку. То ли сорт такой, то ли земля невероятно плодородная.

– Послушай, Тхеу, – решил проверить я свою догадку, – а ты не посыпала здесь кости дракона?

– Нет, – ответила она, отряхивая клубни и обрывая листову. – Я добавляю их только в грядки рядом с домом. Скелетами драконов усыпана вся Долина, но выходить из ущелья опасно. Могут поймать охотники. Поэтому порошком из костей никто особо не разбрасывается. К тому же пищу, выросшую на костях, нельзя варить.

– Ядовитой становится?

– Просто бесполезной. Пойдем.

Мы вернулись обратно в поселок, подошли к дому рядом с двумя шелковицами. Тхеу остановилась, покрутила головой, словно что-то ища, потом негромко позвала:

– Вейса, ты здесь? – в жарком воздухе слышался только угрюмый гул водопада. Тхеу немного выждала и позвала снова. – Вейса!

– Мама... – донесся тихий, шелестящий, почти неразличимый ответ.

– Не бойся, – повернулась женщина к дому. – Это Лунный Охотник. Он хороший.

Шелохнулась тень в кроне шелковицы, качнулась ветка, на стену спрыгнула стройная круглолицая черноволосая девочка лет четырнадцати, присела на корточки и принялась внимательно меня разглядывать, слегка склонив голову набок.

– Я дала ему твою новую рапсодию. Ненадолго. Завтра мы

пойдем на Голодное Поле, нарвем ему конопли.

Девчонка вздохнула, прыгнула на песок и подошла к нам.

– Это моя дочь, – сообщила Тхеу, – ее зовут Вейса. Горный цветок.

Я кивнул. Девчонка испуганно отскочила метра на два, заметно побледнев, но быстро пришла в себя и дружелюбно улыбнулась, обнажив крепкие сахарные зубы.

* * *

Первым появился дразнящий запах дыма и аппетитный кухонный аромат, потом донеслись негромкие голоса и, наконец, замыкающие улицу стены разошлись. По одну сторону открывшейся площади десятков толстых, покрытых барельефами колонн поддерживал уже несуществующий навес, по другую, в черном камне горы, был вырублен храм неведомых богов. Свет, проникающий через широкие высокие ворота не мог разогнать царящий внутри мрак, но окна, по десять в ряд, поднимавшиеся на высоту семиэтажного дома, давали ясное представление о размерах помещения. Каждое из окон защищал свой демон – крылатые, зубастые, шипастые, рогатые, они бросали на поселок голодные взгляды, готовые кинуться на любого, кто покажется опасным для их окон. А перед распахнутыми, окованными бронзой створками ворот – они не только уцелели, но и казались совершенно новыми – перед створками, на небольшом возвышении

из крупных прямоугольных камней, пылал огонь. Над костром, упираясь в камень множеством коротких толстых ножек, держался огромный котел, в котором впору было варить быка. Вплотную рядом с возвышением стоял столб, на уровне котла заканчивавшийся креслом, до безобразия похожим на пластиковое сидение трактора «Беларусь», а в кресле восседал маленький морщинистый старик и вдумчиво помещивал булькающее на пламени варево медным черпаком на длинной ручке.

Вокруг котла расположилось на песке местное население: десяток детей, десятка полтора женщин и шестеро мужчин – дед рядом с котлом, седой однорукий старик, выговаривающий о чем-то маленькому ребенку, мужчина лет сорока, молча сидевший рядом с женщиной своего возраста, двое парней лет на двадцать, и мальчишка годов пятнадцати. Я сразу отметил, что одет правильно: рапсодии женщин были плотно обтянуты ремешками от талии до груди, а все мужчины просто подвязывались пояском. Кроме того, на поясах парней и деда висели длинные ножны, по размеру подходящие под мачете.

Как только мы ступили на площадь, там повисла напряженная тишина, все взгляды уткнулись мне точно в лоб, и давили так, что могли пробить дыру размером с блюдце. Тхеу, с таким видом, будто ничего не заметила, подошла к котлу, протянула деду один из клубней маголы.

– Он хороший. Это Лунный Охотник. Вот его вклад.

Дед принял маголу, взвесил ее в руке, задумался, даже не глядя в мою сторону, потом резко ударил по ножнам. В руке его оказался длинный кривой нож. Он подбросил клубень в воздух, взмахнул лезвием. Дважды просвистела в воздухе сталь, магола развалилась на четыре куса и с плеском упала в котел. Тхеу облегченно вздохнула и протянула следующие клубни.

– Это вклад Вейсы и мой.

Их вклады отправились следом за моим.

Похоже, местные жители варили по вечерам рассольник. И приняли меня к своему котлу.

– Ты хочешь сказать, он сын Луны? – громко спросил один из парней.

– А ты сам не видишь? – спокойно парировала Тхеу.

А ведь и правда, понял я, все туземцы смуглые, у всех, кроме однорукого старика, у всех, даже у деда рядом с котлом, густые черные кудри, а у меня – светлая кожа, прямые волосы, короткая стрижка... Вот черт, а вдруг я действительно с Луны свалился?

– Пусть докажет, – настаивал парень, – может это все обман!

– Как? – вырвалось у меня.

– Расскажи, как все там устроено, а мы проверим, точно говоришь или нет.

– Соврать я, конечно, могу. Но вот как ты проверишь? Не припомню, что бы видел тебя в тамошних местах...

Все захохотали. Парень буркнул себе под нос и отвернулся к приятелю.

– А сетка у тебя есть? – томно поинтересовалась голубоглазая девица лет двадцати, с широкими бедрами и убийственно-огромной грудью. – Может, тебе одолжить?

Я осторожно покосился на Тхеу, и по злomu блеску в глазах понял, что это предложение ей явно не понравилось.

– Да нет, – покрутил я головой. – Спасибо, но не нужно.

– Ты не понимаешь, Лунный Охотник... По ночам тут появляются комары с Голодного Поля... – в голосе ее звучало такое сладострастие, словно она занималась с этими комарами любовью. – Они не выносят жару и не прилетают днем... но ночью могут высосать досуха любого...

– У меня у самой есть сетки, – не выдержала Тхеу, – не пропадем!

– У тебя две сетки на двоих. А я предлагаю свободную, – спокойно ответила девица, заглянула мне в самые глаза и негромко закончила. – К тому же я живу одна и ночью нам никто не будет мешать...

Тхеу мгновенно побледнела, но вслух совершенно спокойно сказала:

– Если ты хочешь, то можешь жить у Стивы.

– Ты меня прогоняешь? – тихо спросил я. Она слегка покачала головой. – Тогда я останусь с тобой.

– Он просто стесняется, – ни мало не смутясь заявила девица, – но ведь мы все равно встретимся, да? – она покрови-

тельственно похлопала меня по щеке, круто развернулась и направилась к парням.

– Можно я спрошу? – послышался сразу после ее ухода детский голос за моей спиной. Это оказался тот пятнадцатилетний мальчишка, которого я причислил к числу мужчин.

– Что?

– Когда моя мама родила брата, то живот у нее пропал сразу. А почему у Луны он уменьшается по полмесяца?

Ничего себе вопросик! Нашу бы учительницу астрономии сюда!

– Как тебя зовут, парень? – поинтересовался я, выигрывая время.

– Май.

– Хорошее имя. У нас так называют месяц весны.

– Мама говорит тоже самое...

– Скажи, Май, ты помнишь, как родился?

– Нет... – неуверенно ответил парень.

– Вот и я не помню, как все это происходит. Извини.

– А тебе не страшно, Лунный Охотник?

– Чего мне бояться?

– Говорят, дети Луны не могут долго прожить на нашей земле...

– Ты что говоришь! – схватила его за плечо Тхеу. – У деда иди спрашивай, он все знает, – она буквально отшвырнула мальчишку в сторону и повернулась ко мне. – Не верь ему, он не знает, что говорит.

Но ее реакция только подтвердила правоту мальчишки, и по душе, словно колючим зимним сквозняком, потянуло холодом смерти.

– Интересное открытие... Кто же я? Бабочка-однодневка?

– Не верь ему, это была глупая шутка.

– Да? Может быть... – я взял ее за локоть и притянул к себе. – Но если это правда, Тхеу, то я не жалею, что прожил свой день именно так, и не поменяю в нем ни секунды.

Она покраснела. Ей богу, эта сорокалетняя женщина покраснела как школьница, услышавшая первый в жизни комплимент.

– Я тоже, – шепнула она, – пусти, надо принести суп.

Пришлось разжать пальцы. Тхеу отступила на шаг, повернулась ко мне и с теплой уверенностью сообщила:

– Это все равно неправда. Ты будешь жить долго.

На вкус здешнее варево действительно напоминало рас-сольник. Мы хлебали его из чеканных медных мисок витиеватыми бронзовыми ложками. В этом мире странно сочетались великолепная обработка металла, камня и поразительное убожество в одежде. Но Тхеу все равно была великолепна. Я с огромным удовольствием наблюдал, как она, улыбаясь моему вниманию, сидела на теплом песке, подобрав под себя ноги и слушала байку деда, по-прежнему возвышающегося на посту.

«...В давние времена, когда те драконы, чьи кости белеют в Долине, еще не родились, Небесный Город еще не был по-

строен, когда Колодец был еще маленькой лужей, а Поющий Мост плескался в воде – на земле жили могучие охотники. Когда они хотели пройти через горы, то рвали целые кряжи могучими руками, когда хотели пить, снимали с гор снежные шапки, когда хотели спать – укрывались целыми лесами, как одеялом. И был среди них великий охотник Хронос...»

Услышав знакомое имя я наострил уши. Но оказалось, что бог времени является простым однофамильцем великого охотника, который однажды имел глупость взглянуть на небо темной ночью, увидеть там прекрасной лик Луны, и влюбиться в нее без памяти...

* * *

Вскинул руки к небу Хронос и сказал Луне прекрасной – «Как же я прожил так долго, и ни разу не заметил, что затмит красу любую Повелительница ночи! Ты прости меня за это, и позволь мне прикоснуться к белизне прохладной кожи, к теплой черноте волос. Обрати свой взгляд на землю, дай мне твой услышать голос, назови свои желанья, и исполню я любое».

Но слова – они не птицы, не смогли подняться в небо. Лишь бессильно опадали в пыль у Хроноса рапсанов. Подняла те слова охотник, их сложил обратно в сердце, что б они не потерялись, что б отдать своей любимой. И пошел к горе ближайшей, стал шагать по склонам к небу. Он поднял-

ся на вершину, распахнул свое он сердце, взял слова любви в ладони, отпустил их – улетайте. Но слова – они не птицы, не смогли подняться в небо, Лишь бессильно опадали на камнях горы холодных. Поднял те слова охотник, их сложил обратно в сердце, что б они не потерялись, что б отдать своей любимой.

Огляделся и увидел, что стоит гора другая, что ее вершина выше, и укрыта хладным снегом. Усмехнулся лишь охотник, пошагал туда он прямо, не боясь камней острых, не боясь снегов холодных. На вершину вмиг поднялся, встал, расставив ноги крепко. Распахнул свое он сердце, взял слова любви в ладони, отпустил их – улетайте. Но слова – они не птицы, не смогли подняться в небо, лишь бессильно опадали в снег у Хроноса рапанов. Поднял те слова охотник, их сложил обратно в сердце, что б они не потерялись, что б отдать своей любимой.

Огляделся, и увидел гору высоты огромной, что холодным льдом вершины облака рвала на части. Хронос только усмехнулся, зашагал к горе той сразу, не желая прерываться ни для сна, ни для питья. Он поднялся на вершину, облака швырнул подальше, распахнул свое он сердце и достал любви слова. Те слова увидел Ветер, засмеялся громогласно: «Как же смеешь ты, несчастный, ползать по земле рожденный, приносить слова такие Повелительнице ночи!?»

Поднял Ветер снег с вершины, поднял он пески пустыни, стал кидать в лицо умело, ослепляя и душа. Но схватил ру-

кой могучей Хронос за волосы Ветер, сжал его в своих объятьях и давил до иступленья, за обиду отомщая. И в ответ взмолился Ветер: «Не души меня ты больше, нету в мышцах буйной силы, пощади меня, охотник, расплачусь я полной мерой.

«Отнеси меня на небо, отнеси меня к любимой, а не то тебя я брошу в глубину таких ущелий что вовек на свет не выйдешь» – так сказал в ответ охотник не устав сжимать объятья. И поднялся в воздух Ветер, Хроноса понес на небо. Вмиг поставил пред любимой, что красивей нет на свете. Распахнул охотник сердце, взял слова любви в ладони, протянул Луне прекрасной, Повелительнице ночи.

Так слова его пылали, что пришло, казалось, солнце, что пропали с неба звезды, на земле проснулись птицы, на горах весь снег растаял, и Луны прекрасной сердце запылало, словно факел.

Ветер был для них постелью, от любви чужой зверя. Много счастья подарила Хроносу с земли далекой за слова его живые Повелительница ночи. Обо всем в руках прекрасных позабыл земной охотник.

И, почувявши свободу, Ветер прочь умчал внезапно, хохоча и завывая. Рухнул Хронос вниз обратно, вмиг исчезло его тело где-то на земле огромной. Не смогли спасти героя слезы все Луны прекрасной, сердце чье гореть осталось в одиночестве на небе. Но не кончился на этом род погибшего героя, ведь рождаются на небе дети той любви великой, сыновья

Луны прекрасной и охотника с земли.

Каждый месяц вдаль уходят, им не обрести покоя. Ищут в скалах, ищут в дебрях, среди снегов вершин высоких, среди глубин озер бездонных тело Хроноса, героя, что огонь любви великой смог зажечь в душе холодной Повелительницы ночи, матери их неутешной...

– Ты тоже уйдешь? – то ли спросила, то ли сказала Тхеу.

– Не знаю, – честно ответил я. – Не знаю.

4. Охотники на драконов

Вечернее мягкое тепло... Байкового одеяла...

Несколько минут я смотрел на серый потолок, потом сел на топчане, отодвинул занавеску. В соседней кабинке кто-то тихонько посапывал, за стеной негромко играла музыка. У окна, выходящего на бурую кирпичную стену, стоял обычный письменный стол, часы на нем показывали полдень.

Я встал. Дверь напротив стола немедленно открылась и в комнату заглянула светловолосая, чуть полноватая женщина.

– Проснулись? Может не будете торопиться, еще отдохнете?

– Да нет, спасибо. Все бока уже отлежал.

– Тогда присаживайтесь к столу, сейчас мы вас обсчитаем.

– В каком смысле?

– Ну, как... Сосчитаю, сколько вы нам должны.

Она присела на краешек стула, подтянула к себе калькулятор и принялась стучать по клавишам, поглядывая на мою карточку и шевеля губами. Деловая, просто жуть. Пока считала, всю помаду съела, только розовая каемочка осталась.

– Четыреста девяносто семь!

Неплохо. В полтора раза меньше, чем они предполагали, и почти втрое меньше, чем предсказывал Гриша.

– Прекрас-т-н-о... – язык внезапно заблудился во рту, и

мне пришлось сделать небольшую паузу, прежде чем закончить вопрос. – В-в-и не видели моей куртки?

– Вон, на вешалке.

Я, почти не качаясь, но опираясь на стену, подобрался к парке, достал из кармана деньги.

– Вот, пожалуйста.

– Хорошо. Подождите минуту, я квитанцию выпишу.

– Жду.

– Вы чувствуете себя как? Нормально?

– Намного лучше, – я не смог подавить улыбки, – тут с вами наркоманом станешь...

Она оторвалась от писанины и бросила на меня полный нехорошего подозрения взгляд.

– Вы случайно не за рулем?

– Вообще-то я действительно водитель, но сегодня пешком. А что, моя профессия так ясно на лбу написана?

– Может, все-таки еще полежите?

– Нет, спасибо. Пойду.

На улице было серо и противно. По Фонтанке плыли окурки, обрывки газет, апельсиновая кожура и бесцветные осенние листья. Такими же тухлыми, черными и коричневыми листьями был усыпан и Летний сад. На статуи уже одели деревянные демисезонные пальто, Чайный домик закрыли на смену экспозиции. В небе, прикрывшись неизменной в Питере дымкой облаков, висело холодное северное солнце. Но

город упорно не пускал зиму в свои стены, а выпавший тайком ночной снег перемалывался колесами машин и испуганно жался к тротуарам тусклой бурой слизью. От Невы тянуло чуть теплым, липковато-влажным ветерком.

И это был мой настоящий мир...

Уж лучше бы наоборот.

Я поднял воротник и пошел на метро.

Дома было тихо и тепло. Пожалуй, даже слишком тепло. Мамочка явно поторопилась заклеить окна, а ЖЭК поторопился включить отопление. А вот ударят морозы – наверняка выключат.

Я уселся на диван, включил телевизор. Показывали шумный конкурс с не очень понятными правилами. Какая-то дистрофичная девица громко выкрикивала буквы, а парень, с пышными, как у Тхеу, волосами, пытался ее перекричать. Время от времени им на счет начислялись рубли. Интересная работа.

Голова немного кружилась, глаза слипались. Наверное, наркоз еще не отошел... А в Поселке сейчас вечер... Немногие обитатели долины собрались у общего костра и дед негромко читает старую легенду... Тихонько расплзается над стенами уютный запах горьковатого дыма и свежего рассольника. Гудит водопад, а немного в стороне ему тихо вторит Поющий Мост...

Я вскинул голову, и понял, что все равно не понимаю ни-

чего, происходящего на экране «ящика», а потому выключил его, пошел в свою комнату, запер дверь, разделся и бухнулся на постель...

– Эй, что с тобой? – ощутил я прикосновение к обнаженной руке.

– А? – теплый песок, гул воды, темная тень гор, отблески огня на стенах... – Что?

– Мне показалось, ты уснул, Лунный Охотник. – Тхеу не убрала ладони с моего плеча. Прикосновение было нежным и приятным. – Сидишь, взгляд прямо перед собой, не шевелишься, не разговариваешь, ничего не слышишь...

– Слышу... – я взял ее руку, поднес к губам, поцеловал смуглую бархатистую кожу. Значит, она все-таки сон. Жаль... А может быть, и нет. Ведь в настоящем мире я никогда не решился бы встречаться с женщиной намного старше меня. Не принято такое как-то. А здесь – могу. Встречаться, любить, целовать, даже жениться. Мой сон – что хочу, то и делаю. И плевать мне на всякие морали и обычаи!

– Пойдем, – встала Тхеу, – скоро прилетят комары.

Я поднялся, притянул эту прекрасную женщину к себе и крепко обнял. Попытался пригладить ее пышные волосы.

– Тхеу, любимая моя... – У нее были красивые голубые глаза с карими лучиками, расходящимися от зрачка в стороны. И как я их раньше не замечал?

Она молча улыбнулась и потянула за собой. Вейса пома-

хала Маю рукой и побежала за нами.

Мы прокрались к дому все тем же тайным путем, но на этот раз меня допустили в святая святых – само жилище.

Комнаты под провалившейся крышей были, естественно, необжитые, покрыты пылью, затянута паутиной, местами даже поросли блеклой травой. Осторожно, вдоль стены, стараясь не оставлять следов на пыли, мы добрались до темного провала в углу и спустились в подвал.

Света, проникавшего сквозь узкие, как бойницы, окна хватало только на то, чтобы различить шкафчик размером с больничную тумбочку и две плетеные кровати под накомарниками. Роль постельных принадлежностей играло сено, душистый аромат которого чувствовался даже наверху.

– Давай укладываться, – сказала Тхеу, – завтра с утра на Голодное поле пойдем. Со мной ляжешь, или с Вейсой?

– Ты серьезно? – не поверил я своим ушам. Девчонка, гибкая как кошка, уже раздевалась, не обращая на нас ни малейшего внимания. Школьница. Класс седьмой – восьмой. На миг появилось желание коснуться этого юного тела, но рядом была Тхеу, и я понял, что во мне опять говорит воспитание настоящего мира, привычная с детства мораль. «Мужчина должен стремиться соблазнять молоденьких...» А наплевать! Это мой сон, и хрена лысого общество заставит отказаться от настоящей женщины в пользу недоростка! – Твоя постель, кажется, пошире...

Тут я прикусил язык – Тхеу еще не успела показать своей

кровати...

– Тогда забирайся ко мне, – она понятиливо улыбнулась. – И прикройся травой получше, ее запах распугивает дурных насекомых.

Постель оказалась неприлично узкой, и я ощущал прикосновения ее упругих сосков, широких бедер, горячей кожи. Возбуждающе щекотали кожу попавшие между телами стебли, обжигало дыхание...

– Ни на кого тебя не променяю... – шепнул я, – ни на Стиву, ни на Вейсу, ни на кого другого... И не надейся...

Она тихонько смеялась в ответ, и легко касалась моего лица мягкими бархатными щеками, ласкала руками, прижимала к себе...

Наверное, в их мире поцелуи неизвестны...

Господи, как хорошо... Я не хочу просыпаться!

Сон уходил... Он развеивался, словно утренний речной туман под теплыми солнечными лучами, оставляя за собой чистое, свежее сознание... И память... Память о поселке охотников на драконов, о гигантском водопаде, о танце на Поющем Мосту... О Тхеу... Не хочу просыпаться!

Я плотно зажимал веки, надеясь задержать видение еще хоть на несколько мгновений, но сон уходил, неподвластный человеческой воле...

– Эй, Лунный Охотник, вставай!

– Что-о? – не поверил я собственным ушам.

– Вставай, Лунный Охотник, вставай.

– Тхеу!!! – она стояла в ослепительном потоке света, бьющего из оконной щели, обнаженная, невероятно красивая, и короткие цветные искорки вспыхивали во вьющихся волосах. Я вскочил, кинулся к ней, подхватил на руки и закружил по комнате. – Тхеу! Ты здесь! Ты со мной!

– А где я еще могу быть? – засмеялась она. – Конечно здесь, Лунный Охотник... Конечно с тобой... Отпусти, нам нужно идти.

– А Вейса где? – обратил я внимание на пустую постель.

– Она встает рано. Она тебе понравилась?

– Да. Но тебя все равно ни на кого не променяю!

– Пусти... – слова мои были ей явно приятны, но где-то в глубине глаз таилось недоверие... Пусть. Рано или поздно, но все равно поверит...

Мы позавтракали на ступеньках дома, позволяя первым нежарким лучам согревать открытые тела.

Клубень маголы, выращенной на костях дракона, несколько глотков воды. Неслышно трепещут листья в кронах шелковиц. Свежий, чуть влажный воздух. Деловито, словно огромный шмель, гудит водопад. Высоко над головой переливаются изумрудными лучами ледяные глыбы по нижней грани горной снежной шапки, а сам снег сверкает рассыпанными под небом осколками радуги. И рядом – самая прекрасная из женщин. Господи, как же хорошо бывает в этом мире! Быть счастливым... Это, оказывается, так просто...

Поев, мы оделись. На этот раз Тхеу повесила на пояс ольхон. Трудно дать ему точное определение – обоюдоострое лезвие длиною почти в локоть, ближе к концу изгибается под углом примерно сорок пять градусов. В месте изгиба оно утолщалось почти до полутора сантиметров. В руке ольхон давал точно такое же ощущение, как и топор. Вынесенный далеко вперед центр тяжести наверняка позволял использовать его для рубки дров и доспехов, но затруднял применение обратной, загнутой стороны в качестве серпа. А может, и наоборот. Деревянные ножны представляли из себя расщепленную вдоль палку, в которую лезвие входило сбоку и освобождалось коротким сильным ударом по рукояти.

Понаблюдав пару минут, как я пытаюсь намотать на ноги рапсаны, женщина обула меня сама, и мы отправились в путь.

– Я так понял, Тхеу, мы идем на Голодное поле?

– Да.

– А что мы там собираемся искать?

– Там конопля растет. Тебе ведь нужна одежда?

– Нужна. Но только мои познания о производстве одежды ограничены магазином.

– Что такое ма-ка-зын?

– Ну-у... Место, где можно получить готовую одежду.

– А-а, купцы. У нас очень давно не было купцов. С тех самых пор, как убит последний дракон. Мы все делаем сами.

– Даже одежду?.. – как можно сделать хотя бы элементар-

ный носовой платок без помощи ткацкой фабрики я совершенно не представлял.

– Это очень просто. Берешь стебли конопли, несколько дней вымачиваешь в воде на солнце, потом сильно отбиваешь камнями и хорошо промываешь. Стебли остаются прочными, но становятся мягкими. В общем, после этого из них уже можно плести рапсаны. А если делать рапсодию, то после этого коноплю снова замачивают, но добавляют жеваных листьев. Когда вода начнет пахнуть мертвечиной, выдержишь неделю, потом снова промываешь, отбиваешь камнями, промываешь... Ну, несколько раз так делаешь, пока трава не станет мохнатой. После этого ее вычесываешь мелким стальным гребнем, и весь получившийся пух хорошенько вымачиваешь и держишь несколько дней на солнце. Потом скручиваешь пух в нить и можешь плести рапсодию...

– Ох, и не хрена ж себе... – я взглянул на свою одежду новыми глазами. Это ж сколько сил угроблено на эти неказистые с виду тряпочки!?! Люди, гуляющие по магазинам и лениво ковыряющиеся в грудях шелков, бязей, сатинов, драпов и вельветов даже не представляют, какой великолепный подарок предоставила им цивилизация! Три метра суровой, брезентоподобной ткани для рапсодии можно купить в Гостином дворе за считанные копейки, да еще любой расцветки... А здесь ее создают почти два месяца, тратя столько сил! С ума сойти!

– Не волнуйся, Лунный Охотник, это совсем не сложно.

Я тебе помогу. – Похоже, мысли мои четко пропечатались на лбу.

Дорога извивалась, прижимаясь к скалам. От нее до горных склонов по другую сторону долины тянулся луг, густо поросший изумрудной травой. Кое-где виднелись невысокие заросли кустарника.

– Невероятно. Нигде ничего не посеяно, не вспахано.

– Охотники придут, все разорят. Да еще хозяина могут выследить. – Тхеу показала рукой на ближние к нам кусты. А вот там, кажется, у деда что-то растет. И ничего не заметно. А специально искать охотники не станут. Они сюда отдыхать приходят. А это – Говорящая Скала.

Высокая плоская скала стояла под углом к узкому, метров пять шириной, ущелью, похожему на русло высохшей реки. Из ущелья дул плотный жаркий ветер, больно жалящий крупными раскаленными песчинками. Мы обошли скалу и двинулись дальше по долине, круто снижающейся вниз, и скоро я понял, что за место называют Голодным полем – это было натуральное болото.

От хлопавшей и колыхавшейся под ногами почвы поднимался тяжелый тухлый пар. Время от времени в воздух с натужным жужжанием поднимались комары, но сразу падали обратно. Густая жесткая коричневая трава доходила до пояса.

– Вот и пришли. Я буду косить, а ты собирай. – Тхеу уда-

рила по рукояти ольхона, и он буквально прыгнул ей в руку. Она присела, отвела руку с ножом в сторону и резко взмахнула над самой землей. Подрезанная у корня трава широким полукругом легла на бок. Женщина сдвинулась на шаг, и снова взмахнула... Вот тебе и «трудно использовать в качестве серпа»! Я еле успевал укладывать. Минут через десять у нас получилось две крупные копенки почти в человеческий рост.

– Что ты на них смотришь? Утаптывай! – она разбежалась и с визгом прыгнула на одну копешку. Та завалилась на сторону. Тхеу быстро собрала траву обратно в кучу и повторила процедуру «утаптывания». Я последовал ее примеру. Полчаса визга, смеха и возмущенного жужжания комаров, и охапки сваялись до вполне приличного размера. Моя красавица ловко перевязала их веревкой, и мы направились до дома.

Пока под ногами плясал болотный влажный торф, было не до разговоров, но когда мы вышли на дорогу, я догнал Тхеу и спросил:

– Слушай, а правда есть легенда, что дети Луны на земле долго не живут?

– Выброси болтовню этого мальчишки из головы. Ерунда все это.

– Ты знаешь, а по-моему, он прав. Дети Луны не могут жить долго.

– Перестань! – звонко крикнула она.

– Ты меня не поняла, Тхеу. Просто я вспомнил свой вче-

рашней день. Если бы ты не дала мне рапсодии, я наверняка бы схватил тепловой удар. Если бы попытался напиться водой из Колодца, запросто бы простудился. Или меня сожрали бы ночью комары, или я сдох бы от голода... Май говорил правду. Если бы не ты, я бы уже окачурился.

– Не хочу! – Она бросила охапку на дорогу, приблизилась, провела ладонью мне по щеке. – Лунный Охотник... Я так рада, что решилась тогда позвать тебя... Сперва боялась... А потом позвала.

Я взял ее лицо в ладони, осторожно коснулся губами глаз, носа, губ... Жаль, она не умеет целоваться. Тхеу замерла в моих руках, но пальцы ее уже развязывали пояс рапсодии... Мы опустились на песок...

– О, черт! – и тут же вскочили. Песок успел нагреться как сковорода.

– Пойдем, – рассмеялась Тхеу, – тут рядом есть уютная щелка...

Метрах в двадцати, под черной отвесной скалой, скрытая от посторонних глаз между двумя многотонными валунами, укромная скалистая площадка нагреться еще не успела, но оказалась на редкость жесткой. Уже через минуту я не выдержал, вскочил, выбежал на дорогу, притащил охапку конопля и бросил на камни. Ложе любви... Господи, как она красива! И смеются карие лучики в голубых глазах, обжигают дыханием губы, нежностью наполнены руки...

– Тихо! – внезапно встрепенулась женщина, зажав мне рот

ладонью. – Говорящая скала!

Я прислушался. Шелест. Просто громкий шелест... Но скоро напряженный слух стал различать в нем отдельные шаги, голоса.

– Охотники идут... Они уже в долине...

Уже четко слышались шаги по песку, хорошо различались голоса, даже тяжелое дыхание. На миг все стихло.

– Смотрите, кто-то охапку конопли бросил! Спугнули! Где-то рядом наверняка прячется... Эй, мышонок... Играем в прятки? Мы идем искать!..

Тхеу громко сглотнула, и ее чудесные голубые глаза наполнились ужасом...

Шаги звучали совсем рядом, хрустел песок на дороге, громко шуршала трава. Я потянулся было к своей рапсодии, но женщина немедленно вскинула палец к губам. Пришлось замереть.

– Где-то здесь он, рядом, – послышался буквально над ухом хриплый бас. – А нам как раз дракончик не помешал бы...

Застучал, скатываясь, камень. Тхеу испуганно пискнула и рванула на себя одежду, пытаясь прикрыться, стала извиваться на месте, словно хотела врасти в скалу, утонуть в ее тверди.

– Вот они!

Уютный закуток внезапно заполнился суровыми мужчинами в поношенных рапсодиях, рваных рапсанах, с ольхона-

ми на поясах и длинными темными копьями в руках. Сильная рука отшвырнула меня в сторону, острый гранитный скол больно врезался в бок. Визжащую женщину быстро поволокли наружу, почти все охотники исчезли вместе с ней. Осталось только двое, невысокий мужичонка лет сорока с жиденькой бородкой и высокий, широкоплечий парень лет двадцати пяти. В грудь резко ударило древко копья.

– Крепкий попался, – осклабился парень, – надолго хватит!

Самым гнусным было не то, как болели ушибы в боку и на груди, а ощущение наготы, полной наготы, перераставшее в чувство полной незащитности. Сознание не желало признавать реальности происходящего, напал полнейший ступор, в голове билась только одна мысль: «Нет, не может быть! Это не я! Не со мной! Это сон...»

Это же сон!!! Это же просто мой сон, черт побери! Это мой сон, и я могу творить в нем все что захочу!

Словно поток живой воды, прокатилось облегчение по телу, отпуская застывшие члены, снимая страх. Сон. Я могу делать все, что захочу. Все очень просто...

Легкое движение руки отбивает в сторону древко копья, нырок под него, ткань рапсодии взлетает вверх, а рукоять лежащего под ней ольхона моей красотки оказывается в моей ладони.

– В капусту изрублю, сволочи! – мужичонка как сквозь землю провалился, но парень продолжал стоять на своем ме-

сте, лишь приподняв удивленно брови. Я рубанул его по плечу, но клинок почему-то ударил по оказавшемуся на пути древку копья, оставив на нем глубокую белую зарубку. Второй удар – и еще одна зарубка. Парень усмехнулся, и стал пятиться наружу.

На дороге толпа охотников с хохотом тискала женщину, которая тихонько, сквозь слезы, скулила и пыталась прикрыться руками – рапсодия, затопанная, валялась в песке. Парень, отступив почти до самой травы, внезапно отбросил в сторону копье и ударил по рукояти висевшего на поясе ольхона. Длинный, изогнутый нож словно сам собой перепрыгнул к нему в ладонь, легко, со свистом, описал сверкающую дугу и тяжело качнулся над оранжевым песком. Парень слегка наклонился, широко расставив ноги, и медленно двинулся вперед.

– Давай, Кюг! – заулюлюкали в толпе. – Вздрючь его хорошенько!

В животе, под самым пупком, зародился ужас и липко расползся по телу – для них это было развлечение. Обычное баловство. И именно меня сейчас изрубят до состояния фарша для котлет... Парные котлетки из Игоря по-полтавски...

ТЬфу ты, это же сон!

Я кинулся вперед. Кюг отбил удар с такой силой, что заболела кисть. Я схватил ольхон обеими руками и со всего размаха, из-за головы, рубанул врага так, что он должен был развалиться на две половинки... Но лезвие бесполезно по-

шелестело в воздухе, а левое плечо резанула страшная боль. Я даже присел, выронив клинок и зажав рану ладонью. Кровь хлестала, как вода из пожарного брансбойта, на глаза навернулись слезы.

– Все, ребята, все... – это уже была не игра, это было по настоящему больно и серьезно. Теперь они должны были прекратить свой хохот и помочь мне наконец!

– Не плачь, мой маленький, – с явным глумлением в голосе посочувствовал Кюг, – сейчас мы тебя вылечим.

Внезапно он сорвал мою руку с раны и щедро сыпанул плечо желтым порошком из небольшого кожаного кисета. Внутри словно полыхнуло огнем. Я заорал, вскочил с постели и заметался по комнате, зажимая рану...

По комнате...

О, черт! Я проснулся!

Это был сон... Моя комната... Из форточки тянет пропахшей выхлопными газами прохладной сыростью, зелеными циферками отсчитывает время электрический будильник, раскачивается на потолке свет уличного фонаря. И только плечо болит так, словно его рвет на части взбесившийся кот.

Но ведь это был сон?!

Я осторожно оторвал ладонь от раны. В неясном мельтешащем свете плечо казалось здорово выпачканным, но кровь не текла. Слава богу, приснилось... Сильный удар жесткого древка поднял меня с залитого кровью раскаленного оранжевого песка.

– Вперед пошел, нечего расслаиваться, – новый удар заставил пошевеливаться.

Как?! Опять?!

– Пошел давай!

От сильного и болезненного удара в спину я пробежал несколько шагов и затрусил по дороге, стараясь не смотреть в сторону Тхеу, которая продолжала затравленно вскрикивать под гогот мужиков.

В поселке меня заперли в какой-то подвал. Точнее, хорошим пинком спустили туда вниз по короткой крутой лестнице. А Тхеу осталась в руках бандитов. Они глумились над ней, веселясь чужим страданиям, а я мог только бессильно метаться по каменному мешку, слыша сквозь натянутое плотной сеткой окно ее стоны и крики, пиная пыльные тряпки и кости, валявшиеся на полу.

Ну почему, почему такое происходит? За что нам это? Как же теперь жить... Едва не плача от бессилия, я забился в самый темный угол подвала и скрючился там, закрыв глаза и зажав уши руками.

Наверное, прошло не меньше минуты, прежде чем я понял, что слышу не женские крики, а истошный вой будильника. Мамочка, как всегда, проснулась первой и громко стучала в стену, требуя заткнуть глотку электронному порождению человеческого мазохизма. Пришлось встать. Я при-

хлопнул кнопку таймера, протер глаза – мокрые. Надо же, слезы. Всплакнул-таки во сне, оказывается. «Птичку жалко...»

Я усмехнулся и, громко шлепая босыми ногами, побрел в ванную. В нашем мире существует только два способа прийти утром в норму – это обтереть лицо снегом, или облиться холодной водой. Первый способ действеннее, но петербургский снег при попадании на кожу может сравниться по полезности только с ипритом. А вода – с синильной кислотой. Последняя, как известно, безопаснее.

Поток холодной влаги быстро развеял последние следы ночного бреда. Веки разомкнулись, и остались в таком состоянии даже без помощи спичек. Я сдернул с вешалки свое любимое махровое полотенце и, растирая спину, повернулся к зеркалу. В тот же миг словно холодный кирпич ухнул в самые кишки – у отражения на правом плече бурела рана чуть не в пол руки размером. А у меня, соответственно, она была на левом... Толстый рубец из застывшей крови. Не спекшейся, а именно застывшей – рана напоминала валик из грязного вспененного полиуретана. Наконец я нашел нужное слово, прокрутил его в голове, послунывил языком и не без труда выплюнул наружу.

– Кровь полимеризировалась, – и вздрогнул от звука собственного голоса. Мысль, которую хотелось затолкать подалее в глубину сознания, не выпускать, не знать о ней, – выскочила наружу...

А если бы мне приснилось, что я утонул? Или сорвался со скалы? Или бандиты отрубили мне башку? Я что, сейчас искал бы голову под диваном?

На ощупь рубец казался теплым и мягким, как губчатая резина... Не настоящим, в общем... Или это эффект порошка из зубов дракона? Ведь во сне меня не только ранили, но и вылечили. Я попытался подковырнуть край раны ногтем. Рубец на удивление легко поддался и отслоился сразу по всей длине, оставив широкий розовый шрам... И спайка под ним чувствовалась до самой кости.

К перемене погоды болеть будет – пришла «мудрая» мысль. Я набросил полотенце на вешалку и кинулся в свою комнату.

Постель была залита кровью, словно на ней разделявали годовалого теленка. А может, и быка.

Вот тебе и сон...

Хлопнувшая далеко внизу дверь парадной мгновенно привела меня в себя – на работу опаздываю! Мысли о таинствах и причудах сновидений испарились мгновенно, как полочка перед игровым автоматом. Одним движением я сгреб окровавленное белье, закинул в шкаф, в отделение для обуви – чтоб мамочка не увидела – быстро натянул рабочую одежду и выскочил из дома.

5. Советы зубного техника

Город спал. День еще не успел пробраться на его улицы, осветить стены, разбудить птиц. Городу не было дела до часов, расписаний и рабочих дней. Он и не подозревал, что в чреве его закипает «час пик».

Люди торопились. Они выскакивали из парадных, нетерпеливо подпрыгивали на остановках, а самые удачливые уже висели в дверях трамваев и автобусов, вцепившись мертвой хваткой в потные поручни или в воротники впереди висящих. С сонными глазами, угрюмым лицом и нервным дыханием человеческая масса целеустремленно мчалась на работу, сливаясь в потоки, кружась в водоворотах, разбрызгивая пену злобной ругани, оставляя осадок из скуренных сигарет, мятых газет и конфетных фантиков. Горожане лениво суетились и бурлили, торопливо читали вчерашние газеты, громко ругали транспорт и всячески спешили с привычной скоростью.

А город все равно спал. Вяло покачивались в ночном мраке фонари, тихо подрагивали на деревьях забывшие опасть листья. Одно за другим гасли окна в темно-желтых домах. В тихих комнатах, выплеснувших на улицу неугомонных хозяев, вновь наступал покой. Поздний осенний рассвет приходит еще и не собирался. Солнце преспокойно кемарило в своей берлоге где-то за горизонтом, вместе с ним посапы-

вали все краски дня. В сером свете ламп люди темными тенями метались по коричневым тротуарам вдоль бурых стен под черным небом. Многократно отработанный липкий безвкусный воздух тяжело падал в легкие и с трудом выкашливался обратно, под ногами чавкало нечто хищное, с одинаковой легкостью разъедающее и кожу обуви, и железо автомобилей.

Боже мой, неужели это мой настоящий мир? Тот, другой, со сверкающими горными вершинами, зеленой травой, чистой холодной водой и оранжевым песком казался куда натуральнее...

Милая, хрупкая девушка изящным движением размазала меня по двери вагона метро – нечего мечтать, приятель. Всем нужно на работу.

Дом призрения на Звенигородской улице построила еще Екатерина Великая. Хорошо построила, на совесть. Уже двести лет без единого ремонта стоит. Возможно, конечно, лет пятьдесят – сто назад его коридоры трехметровой высоты и красили, но определить это на глаз уже совершенно невозможно. Побелка потолка по цвету давно сравнялась с цветом стен, а стены – с полированным каменным полом. За прошедшие века ноги дедушек и бабушек в мягких домашних тапочках протоптали в этом полу две колеи вдоль стен и на чисто стерли ступеньки лестниц. После еженедельного мытья полов жизнь в Доме замирает на несколько часов – ка-

мень становится скользким, как мыло, и в коридорах впору устраивать хоккей с шайбой. Вид спорта для лестниц еще не создан.

Нам с микроавтобусом досталось помещение бывшей каретной. Строили ее предки с явным расчетом на размещение «Боинга-707», и места мне и машине хватало с огромным избытком. Для «Латвии» я положил на пол два ряда шпал – яму это не заменяет, но работать вполне можно. Для себя поставил списанный мамочкой в «утиль» старый диван. И еще осталось место для двух шкафов, двух верстаков и самопального сварочного аппарата. Получилась вполне приличная мастерская. Именно благодаря ей мой автобусик и не разваливается вот уже больше десяти лет. Хотя, если честно, за эти годы от заводской машины остались только номера.

Самым важным на сегодня было успеть разобрать подвеску. Начальство о предстоящих ремонтах я всегда предупреждаю заблаговременно, чуть не за неделю. Но все равно каждый раз дело сводится к соревнованию – кто быстрее. Если мне удастся забраться под машину и отвернуть хоть гайку – значит выиграл. Не успею – отправят куда-нибудь в поездку.

Сегодня первым успел я. Правда, стоило только переодеться и наложить ключ на рессорный палец – по полу застучали каблуки. Подкованные. Значит, завхоз.

– Игорь, ты где? – он пробежался вокруг автобуса, едва не наступив мне на ноги. – Куда ты пропал?

– Здесь я!

– Вылезай скорей, посуду надо везти! – ботинки замельтешили на месте. Похоже, завхоз хотел наклониться и заглянуть под машину. С его-то брюшком? Наивный.

– Какую посуду, Терентий Палыч?! – на всякий случай я потер руку о грязь под брызговиком и мазнул ею по щеке. – Неделю же назад разговор был! Втулки рессорные менять пора!

– Игорек, ну надо очень! – плаксиво потребовал он.

– Рессоры уже отвинчены, Терентий Палыч. На чем ехать? Минут десять назад зашли б, и разговоров бы не было.

– От черт! – он обошел «Латвию» с другой стороны и снова заканючил. – Игорек, ну мы тихонечко...

– Куда тихонечко? На кладбище?

– Вот черт! – он присел, но увидеть меня все равно не смог. – Ты до завтра хоть сделаешь?

– Безусловно. Но сегодня – никак.

– Вот черт! – он с кряхтением встал. – Значит, завтра, с утра?

– Буду готов, зуб даю!

Завхоз еще раз чертыхнулся и вышел. Первая атака отбита. Я прижал ключ к лонжерону и попытался открутить гайку рессорного пальца. Почти сразу заныло раненое плечо. Резьба, как назло, прикипела, приржавела, пригнула и не желала трогаться с места. Хоть ты сдохни!

– Может, молоток дать? – послышался вкрадчивый, заботливый голос. От неожиданности я дернулся и больно трес-

нулся головой о задний мост.

– Ох, разорви меня шайтан! Что ты подкрадываешься все время, как удав к кролику?!

– Не хочу напрасно беспокоить. – Гриша похлопал рукой по крылу, отчего в глаза рухнуло примерно пять кило пыли, и переспросил. – Так дать молоток?

– Давай.

Сунув мне молоток, Гриша забрался в автобус, что-то поискал, потом уселся. Послышался характерный треск открываемой винтовой пробки. Бульканье.

Стакан искал, паршивец.

Обижаться на наглость Гриши Капелевича смысла не имело – он просто не имел ни малейшего понятия о правилах приличия. Гриша готов был снять с себя для друга последнюю рубашу, приходил на помощь по первой же просьбе (а порой, увы, и без оной), он всегда был искренним, добродушным, отзывчивым. Но никак не понимал, зачем что-то спрашивать у знакомых, если можно взять и так? Разве приятель может ему отказать? Моральные принципы находились выше его понимания... Или ниже.

Главной Гришиной слабостью и достоинством одновременно была его любовь к философским спорам. После первого же стакана он с огромным удовольствием, вдумчиво и аргументировано начинал доказывать свою правоту по любой теме, предложенной собеседником, но с прямо противоположной точки зрения. Именно с противоположной точ-

ки зрения, а не со своей. Например, месяц назад, он доказывал мне, что я не прав, и фашизм – это прекрасно; потому, как фашизм ставит интересы государства выше интересов личности, и таким образом резко повышает шансы выживания общества, а значит и каждого отдельного человека. На следующий день доказывал, что фашизм плох, потому, как подавляет в интересах государства отдельную личность, препятствует развитию отдельных одаренных людей, и таким образом понижает потенциал государства в целом. А на следующий день – «Фашизм есть высшая ступень развития общества! При демократии к власти приходят случайные люди, к тому же не несущие никакой ответственности. Если они угробят страну, то их просто переизберут. При фашизме путь к власти труден, но зато власть получают только сильные, неординарные личности, которые отвечают за свои поступки жизнью, поскольку диктаторов не переизбирают. Их только уничтожают». В следующий раз – «Опасаясь за свою шкуру диктатор готов на любое преступление...» И вот так – две недели подряд, каждый раз с точностью до наоборот. Своей точки зрения Капелевич не имел принципиально. Ну откуда у такого типа понятия о моральных категориях? И какой смысл на такого обижаться?

Из салона донеслось бульканье, причмокивание, а потом удовлетворенный теплый голос спросил:

– Игорек, ты зубы-то сделал?

– Сделал... – от его вопроса обе челюсти внезапно забо-

лели. Я уже обстучал молотком непокорную гайку, в очередной раз накинул на нее ключ и, собираясь силами для решающего рывка, закончил фразу. – Шесть пломб и два вырвали.

– Солидно, – наверху вновь забулькало, – но вставлять никуда не ходи. Только ко мне. Ты знаешь, сколько должен простоять нормальный протез? Лет сто пятьдесят. Как эти стены. А гарантия сколько? Год. Между прочим, любой приличный техник может изготовить мост на точно рассчитанное время. Плюс минус месяц. Если ты к нему с душой – то зубчики получишь на всю оставшуюся жизнь. А будешь мозги врачу пачкать, так и зубы твои тютелька в тютельку гарантию выдержат, и все! Приходите снова в гости.

Послышались громкие, решительные глотки, Гриша перевел дух и продолжил:

– Частные техники что делают? Вот приходишь ты к нему, он сю-сю-сю, сю-сю-сю... И – хлопысь тебе мост на три года! Ты друзьям, знакомым про хорошего мастера расскажешь, приведешь, в креслице усадишь. Они потом своих приведут. Ну, так вот, всю твою цепочку родичей он года за два, два с половиной вытянет, а тут как раз твой протезик – хрусь! И пошло все по новому кругу! А называется это – бизнес...

– Надо же, – подал я голос из подпола, – оказывается зубные техники сплошь бесчестные люди?!

– А как же! – ни мало не смутился Капелевич. – Ты знаешь, что у нас студенты делали? Мы в техникуме всю зиму, стало быть, учимся, челюсти там всякие лить тренируемся.

К лету этими «практикантскими зубами» вся задняя комната завалена. С половину твоего гаража комната! А как каникулы начинаются, так мы этими протезами мешки набьем – и по деревням! Эй, бабки беззубые, кому вставная челюсть треба!? Выбирай!

Нетрудно догадаться, что Гриша Капелевич работал в доме для престарелых зубным техником. Попал он сюда не просто. По его рассказу, устроился он сперва в районной поликлинике. Но не пришелся ко двору своему заведующему – еврею, потому как был чистокровным русаком. Заведующий запретил врачам давать ему заказы. Пришлось перейти в другую поликлинику. Но злобный заведующий нашел его и тут, и заявил, что лечение зубов – еврейская народная специальность, русскому в ней делать нечего. И выжил с нового места. Долго бегал Гриша от коварного сиониста... Только здесь, в этом пенсионном недоходном месте оставили его в покое.

Из тяжелого опыта своей жизни Гриша вынес лютую ненависть ко всему сионистскому племени и громко мечтал о еврейских погромах. Когда я осторожно намекнул ему о фамилии, он гордо заявил:

– Мы не по паспорту будем бить, а по морде!

Надо сказать, что профиль его полностью соответствовал фамилии. Но на это намекать у меня язык не повернулся...

Ладно, хватит валяться. Я уперся ногами в бензобак, взялся за ключ обеими руками, поднатужился и-и-и-хрясь!!! Го-

лова треснулась о каменный пол, изо рта выскочила длинная фраза, непереводаемая ни на один из языков мира. Гайка – железяка чертова – даже не струнулась!

– Ты что-то сказал? – забеспокоился Гриша.

Я охотно повторил непереводаемую фразу.

– Понятно. Может, помочь?

– Принеси тормозухи, пожалуйста.

– Сейчас... – он вылез из «Латвии», сходил к шкафу и вернулся с бутылкой. – Эта?

– Она. – Еще одним несомненным достоинством Капелевича была его интуиция. Лично я, когда понадобилось долить бачок, искал эту бутылку по верстакам не менее получаса. – Открой, будь другом.

Я капнул на непокорную гайку немного тормозухи, потом смочил на всякий случай все остальные и вылез из-под машины. Теперь оставалось только ждать.

– Может, хряпнешь, пока время есть? – Гриша стоял у машины с налитым до половины стаканом и двумя долькаами апельсина. Как он догадался, что мне нужно убить часа два времени, пока тормозуха ржу разъест?

Капелевич усмехнулся, глядя снизу вверх – ростом он вышел мне только до плеча – и потянул стакан.

Тощий, как глиста, маленький, как койот, юркий, как таракан, ловкий, как обезьяна, умный, как филин, юркий, как ящерица, хитрый, как африканский заяц! Откуда он такой взялся на мою голову?

– Все равно сегодня никуда не поедешь... – безразличным тоном заметил Капелевич. Это было истинной правдой. К тому же страшно болели зубы, голова, плечо, содранные пальцы. И вдобавок я успел здорово разозлиться на непокорные гайки... Водка оказалась на удивление холодной и совершенно безвкусной. Закинув в рот дольки апельсина я раздавил их языком, немного помял больными зубами и проглотил. А потом устало присел рядом с машиной, откинувшись на колесо.

Камень слегка охлаждал спину, на стене напротив солнечный свет из затянутого мельчайшей сеткой окна нарисовал слепящий глаза квадрат. Настолько яркий, что серый камень казался белым, а бурые полосы раствора вовсе не различались.

Что за черт? Ведь только сейчас, секунду назад я сидел в гараже рядом с машиной и трепался с Гришей Капелевичем! Ущипните меня! Некому... Только-только ведь ковырялся в «Латвии»... Или это был сон? Или наоборот, я заснул? Выпил сто грамм, разморило, вот и отрубился... Только уж очень хорошо помню, что наяву происходило...

С руки взлетела черная упитанная муха, сделала пару витков вокруг головы и метнулась в окно. Как бы не так – ячея сетки оказалась слишком мелкой. Муха поползала туда – сюда, ища дыру покрупнее, а потом забилась в верхний угол и обиженно затихла. С улицы доносился гул водопада и веяло полуденным теплом. Голосов слышно не было...

Камера моя оказалась весьма обширной. Арочный потолок на высоте в три метра тянулся шагов на тридцать от окна и упирался в глухую скальную породу. Там, у дальней стены, бесформенными горами были свалены «сокровища» бандитствующих охотников. Какие-то кувшины, вазы, тарелки, что-то похожее на стремяна, подсвечники, маятниковые весы. Бесформенные тряпки. Учитывая способ изготовления тканей – здесь они наверняка считаются большой ценностью. А мою одежду, кстати, эти мерзавцы оставили в камнях...

Я встал, сделал несколько шагов к завалу и тут же шарханул назад. Там, у подножия ближайшей из куч, зарытый в тряпье, лежал человеческий скелет.

Не самое приятное соседство. Как это его белые косточки сразу в глаза не бросились? Скрюченный в три погибели, едва прикрытый тряпьем. Череп откинулся назад, в широкую желтую чашу и смотрит на меня черными глазницами. Широкие белые зубы... Зубы покойника выросли невероятной длины, едва не оторвав ему челюсть и полностью закрыв рот. Бедняга наверняка умер от голода... И последние дни прожил с вывихнутой нижней челюстью – раскрыть рот так широко просто невозможно.

Минут пять я дрожал от страха в углу, потом взял себя в руки. Ну не встанет же он, в конце концов, и не бросится на меня как голливудский вампир?! И кусаться ему уже не дано, и мяса на нем не осталось... Фантасты и мистики могут говорить все, что угодно, но никогда не поверю, чтобы ске-

лет, даже трижды оживший, смог двигаться не имея мышц.

Кое-как уговорив себя выйти из заветного угла, я, обойдя покойника метра за полтора, приблизился к груди «сокровищ» и попытался найти что-нибудь полезное. В идеале – автомат Калашникова.

Автомата в груди, естественно, не было. Зато нашлась увесистая золотая хреновина, нечто среднее между царской «державой» и гвоздодером. Украшенная мелкой вязью полусфера плавно перетекала в узкую, слегка изогнутую лопатку длиной в руку. Взяв найденный «инструмент» в руки я отправился изучать вход.

Отлитая из матовой стали дверь оказалась вогнутой. Причем под довольно большим радиусом. Открывалась она вовнутрь, и до неприличия плотно прилегала к каменному проему. Всунуть в нитеподобную щель между дверью и стеной толстую лопатку оказалось нереально. Бритвенное лезвие – можно, но бритвы в этом мире у меня не имелось. Я отступил, размахнулся «инструментом» и несколько раз ударил полусферой в районе задвижки – была там на камне характерная царапина. Дверь даже не звякнула! Она явно выдержала бы даже прямое попадание гаубичного снаряда. А вот на «державе» после ударов не осталось ни малейшего следа от рисунка, и да простят меня археологи всех времен и народов.

Пришлось перейти к окну. За мелкой металлической сеткой виднелись толстые прутья... Да и размер у окна не мой.

Тесное, не пролезть. Пожалуй, тюрьму эту делали на совесть, с расчетом на умников вроде меня... Но стены я все равно простучал. Ничего. Правда, во многих местах на камнях были явные следы зубов. Я невольно покосился на покойника. Может это он зубки сточить пытался? Но для этого они должны быть прочнее стали! Будем надеяться, он не оживет, когда петухи откукарекают полночь...

Однако выхода обнаружить пока не удалось. Я вернулся к куче золотого хлама и попытался найти более приличное оружие. Меч, шашку, копье, ольхон или хотя бы перочинный нож... Тщетно. Ничего ценного. Единственной удачей оказалась находка кожаной рапсодии. Видимо, она служила воинским доспехом – толстая грубая кожа, бронзовые наплечники, широкая овальная пластина с изображением оскаленной пасти на груди. Там же нашелся и широкий ремень с пряжкой, больше похожей на сильно сплюснутый рыболовный крючок.

Вновь подобрав тяжелую «державу» я уселся на пол рядом с дверью. В моем положении самое лучшее – дожидаться, пока принесут пайку и попробовать треснуть «кормильца» по голове. Может, повезет.

Из окна слышались голоса. Мужские.

Боже мой... Тхеу... Как она там, что с ней?.. Женщина, которая рискнула довериться мне, помочь... Накормила, одела. Разделила со мной ложе. Что мог я дать ей взамен? Не сумел даже защитить... Передо мной, как наяву, заблестели

голубые глаза с карими лучиками... Что может сделать мужчина для женщины? Я не сделал ничего. Слушал ее крики бессилия и трясся от страха. Мерзавец, подлец, трус!

Пальцы невольно крепче сжали «инструмент». Войди кто-нибудь – вколотил бы по плечи в пол без малейших колебаний... Но никто не шел. И даже голоса за окном смолкли...

– Хорошая водочка, жалко мало.

– А-а?

– Не в то горло пошла? – забеспокоился Капелевич. – Что-то у тебя взгляд стал безумный...

Он наклонился и похлопал меня по щекам. Только после этого я понял, в каком мире нахожусь.

– Гриша, сколько времени?

– Девять.

– Только девять? Слушай, а я никуда... Ну, вот сейчас...

Никуда не исчезал?

– Что-о? Игорек, ты тормозухи случайно не глотнул?

– Нет. – Я встал, огляделся. Все как обычно... Только не выходят из головы светлые голубые глаза с карими лучиками. – Гриша, ты ни когда не задумывался, зачем женщинам нужны мужчины?

– Во, это уже вопрос здорового человека, – облегченно засмеялся Капелевич. – Отвечаю. Мужик существует для дамского удовольствия.

– Тут ты не прав, Гриша. Получать удовольствие она может и так. Женщина может зарабатывать, как мужчина, она

может сама родить и вырастить ребенка, она может одна вести дом. Но она не способна его защищать. Мужчина всегда был, есть и будет сильнее. И должен суметь защитить ее даже ценою жизни.

– Да ты с ума сошел, мой мальчик, – испугался Капелевич. – Какая защита? Что за антизаконные поползновения!? Ты был на выборах? Голосовал? Вот и следуй решениям выбранного тобой правительства. А оно подобные выходки запрещает! Никогда никого защищать не смей! Даже самого себя.

– С чего ты взял?

– Согласно закона. А по закону ты не имеешь права владеть оружием. Даже холодным.

– Ты передергиваешь, Гриша. Владение оружием запрещено только для того, чтобы им не мог завладеть преступник...

– Игорек, если тебе запудрили мозги, то не надо пересыпать пыль в мою черепушку. Законодательный запрет имеет значение только для законопослушных граждан! А преступникам и бандитам на него плевать! Как ты собираешься самостоятельно защищать жену от вооруженного бандита?

– В милицию позвоню... – не очень уверенно ответил я.

– Crazy mu little... Защитить себя человек может только сам! Всем остальным на это плевать. Милиция просто оприходует твой труп и попытается поймать конкурента.

– Какого конкурента?

– Неужели непонятно? Безоружные люди являют из себя безопасную аморфную массу, которую легко грабить и давить. И в этом святом деле уголовники составляют правительству конкуренцию. Вот потому их и ловят. А вовсе не для того, что бы тебя, сирого, спасти. Право на самозащиту ты получишь только тогда, когда выберешь правительство, желающее иметь полноценный народ. А до тех пор мужчина будет иметь значение только как игрушка для дамских развлечений. Вопросы есть?

– Есть.

– Оставь их при себе... – Капелевич поднялся на носочки и повел носом. – Сюда директор идет! Чао...

Он ловко метнул пустую бутылку в приоткрытый шкаф и юркнул в дверь.

А я полез под машину и в очередной раз накинул ключ на гайку рессорного пальца. Потянул. Она звонко щелкнула и пошла по резьбе. А буквально через минуту после того, как я выбросил свинченную гайку из-под машины, в гараж зашел директор. У Гришы либо нюх, как у трюфельной свиньи, либо интуиция, как у песчаного скорпиона.

Гладко выбритый Сергей Михайлович, в неизменном костюме и бежевой рубашке с галстуком, по-хозяйски прошелся вокруг «Латвии», постучал пальцами по треснутой фаре, потом наклонился и стал наблюдать, как я выбиваю рессорный палец.

– Опять втулки за свой счет покупать пришлось, – немед-

ленно завел я свою любимую пластинку, – и ремкомплект для карбюратора. Вы мне чеки оплатите?

– Ты же знаешь, нет у нас на счету денег.

Еще бы не знать! Три месяца зарплату не платят! Если бы не удавалось на микроавтобусе подхалтурить, уже бы давно ноги протянул. А раз машина кормит, то и запчасти к ней прикупить не грех... Интересно, а как нянечки выживают?

– Резину давно пора менять. Таких денег у меня нет.

– Придумаем что-нибудь. – Он задумчиво почесал свой нос. – Ты главврача нашего знаешь? Галину Павловну?

– Нет.

– Плохо. Ну да ладно, увидишь. Ее на курсы направили. Надо будет забирать в два часа из Комитета по здравоохранению. В течении недели. Понял?

– Сделаем.

– Вот и хорошо.

Сергей Михайлович ушел, и сразу после его ухода резко разболелись зубы. Сразу все. Ладно бы, те шесть, которые вчера залатали, или хоть те, что остались нелечены, так нет – боль пульсировала и в передних зубах, и в резцах, и в коренных, и даже в тех трех, что давно не существовали, брошенные в миску стоматолога. Временами острая резь сливалась в единое целое, захватывающее нижнюю и верхнюю челюсть, временами докатываясь до глаз, отчего начинали течь крупные холодные слезы. Хорошо хоть на протяжении дня меня больше никто не трогал.

Втулки удалось заменить только к восьми вечера. Челюсти болели так, что хотелось выть на луну. Дома я не раздеваясь залез в постель и спрятал голову под подушку. Выспаться, естественно, не удалось. А к утру зубы начали выпадать...

На работе я первым же делом побежал в Гришкин кабинет, но он, паразит, именно сегодня ухитрился сесть на больничный. Пришлось с Терентий Палычем ехать на Аптекарские склады сдавать посуду. Болеть стало меньше, но зубы сыпались, как иглы с новогодней елки. И я смирился с тем, что придется делать искусственные челюсти.

К двум часам, когда настала пора забирать главврачику, зубов не осталось совсем. Зато и болеть было нечему. Я даже довольно бодро поболтал с Галиной Павловной – милой женщиной лет сорока, люто ругающей начальника Комитета здравоохранения Корюкина за дурь.

Сюрприз меня поджидал вечером. Когда я забирался под одеяло, гадая, приснится долина охотников, или нет, челюсти снова стали ныть. Я шевельнул во рту языком, и ощутил, как из десен проклюнулись остренькие кончики новых клыков...

6. Прогулка при луне

Приснилась мне Леночка Тельная, бывшая одноклассница. Но во сне она почему-то оказалась пилотом истребителя-перехватчика, и активно учила меня летному делу. Я сидел на крыле и пытался заглянуть в кабину, а Леночка тем временем выписывала фигуры высшего пилотажа. Короче, обычный ночной бред. Легче даже на душе как-то стало. И проснулся я отдохнувшим, свежим, за пять минут до звонка будильника. Все было прекрасно. Вот только десны слегка ныли... и из них высовывались крепенькие макушки новорожденных зубов.

На работе я сразу рванул в медкабинет, но Гриша Капелевич на работу все еще не вышел.

Должен честно признать, что появление новых зубов травмировало мою нежную душу намного меньше, нежели выпадение старых. Поэтому отгула я, как задумывал, брать не стал. Прокатил директора до совхоза «Шушары», сделал две ходки «налево», пока он договаривался о дешевой картошке для дома престарелых, и даже успел купить у местного самосвала двадцать литров бензина со скидкой примерно на треть. Потом привез из Комитета Галину Павловну.

А зубки тем временем росли. Бодро, уверенно, ничем не отвлекаясь. К вечеру они по размеру не намного отличались от нормальных. А к следующему утру вымахали замет-

но больше нормы. И продолжали расти.

Когда я остановился за Елисейским магазином, зубы снова начали болеть.

Галина Павловна выскочила из коричневого здания Комитета по здравоохранению злая, как голодная собака.

– Игорь, ты знаешь, что Корюкин опять придумал? – зарычала она, едва сев в машину. – Он решил отменить «скорую помощь»!

– Как это? – из вежливости спросил я, разворачиваясь в сторону Фонтанки, и зубы моментально отреагировали на звуковые колебания резкой болью.

– Он решил посадить туда вместо врачей парамедиков! Представляешь?

Нет, не представлял. Для меня важнее было справиться с режью в челюстях. Такое ощущение, словно кто-то тупым долотом выстукивал в деснах лунки под новые посадки. Хотелось закрыть глаза, съежиться и громко завывать. А надо было смотреть на дорогу, пропускать машины, едущие по главной дороге, следить за светофорами и объезжать ямы.

– Ты знаешь, кто такие парамедики? Это недоучки, которым объясняют: если у человека болит голова, сделайте укол из синей упаковки, если ноги – то из зеленой. Если живот – из желтой. Они заведомо ничего не понимают в медицине! А при аппендиците и воспалении легких, между прочим, половина признаков совпадает. Что-то больной недоговорил,

что-то доктор недопонял, и готово – получите труп вместо излечения! У нас что, врачей не хватает? У нас же их больше, чем в любой стране мира!

Челюсти полыхнули огнем, и я с трудом не поддался соблазну вдавить педаль газа и влететь мордой под несущийся в правом ряду «Камаз». Секунда ужаса, хруст металла – и никаких болей... Нет, наоборот, пропустив пешеходов, я очень осторожно вывернул на набережную и, не разгоняясь больше сорока километров в час, покатил в сторону моста Ломоносова. Пламя, разгоревшееся во рту медленно, словно лава, растекалось по телу, отчего, казалось начинали закипать мышцы, пузыриться кожа, раскалываться кости и плавиться суставы, оно заползало в голову, грозя смести все мысли, превратить содержимое черепной коробки в пароходную топку, сжечь все существо человеческое – все желания, память, навыки, привычки, превратить все с единый спекшийся комок шлака, и от всего этого кошмара хотелось сжать с силой виски и завопить от бессилия...

Включить указатель левого поворота, пла-авное нажатие на педаль тормоза, воткнуть пониженную передачу. Пропустить психа на «Тойоте», пусть его кто-нибудь другой задавит. Теперь медленно отпускаем педаль сцепления и нежно нажимаем на газ, поворачивая руль.

Одному богу известно, каких сил мне стоило сохранить очаг спокойного сознания во взбесившемся от боли мозгу и предельно аккуратно доехать до Звенигородской.

– Игорь, нам в среду, на следующей неделе, детишек из детского дома надо привезти. С Новоизмайловского проспекта. Сделаешь? – спросила, выходя, Галина Павловна.

– Нет проблем, – сумел я выдавить судорожную улыбку.

– Тогда до завтра?

– До свидания...

До сих пор не представляю, как мне удалось открыть ворота гаража, загнать машину на шпалы, отключить массу. Только заперев створки я закинул к потолку голову, распахнул пасть и громко, изо всех сил заорал.

– А-а-а-а!..

Стало немного легче. Я несколько раз быстро присел. Двадцать приседаний заменяют таблетку аспирина. После двух таких «таблеток» мне удалось более-менее взять себя в руки и переодеться. Открылась дверь, заглянула Вика из столовой на первом этаже.

– Игорь, что случилось?

– Молоток на ногу уронил, – соврал я.

– Предупреждать надо. У меня из-за твоего вопля две бабки компотом подавились, и одна котлетой. Еле откачали.

– Хорошо, предупреждаю: через десять минут снова будут вопли.

Выражение розового, распаренного Викиного личика стало озабоченным.

– Что, опять молоток уронишь?

– Рессору уроню. Причем на ту же ногу.

– Ага... – выражение озабоченности сменилось задумчивостью. – Пойду, скажу, что ты новый магнитофон проверяешь...

Дверь закрылась. Я, опираясь на стул, несколько раз быстро отжался, потом несколько раз присел и, наконец, громко, от всей души, заорал. Боль озадаченно отступила. Во всяком случае, до дома доехать смогу... Я запер гараж и бодрой трусцою побежал на метро.

К моменту прихода домой рассудок окончательно отключился. Это видно хотя бы из того, что я отказался от «чистых», биологических методов борьбы с болью и сожрал упаковку анальгина из маминой аптечки. Самой мамули дома не оказалось – ушла на теннис. Хорошо быть пенсионером.

Огненная резь сконцентрировалась в зубах. Она вспыхивала в такт ударам сердца, разгораясь сильнее и сильнее, и не удавалось спрятаться от нее ни под одеялом, ни под подушкой. Не удавалось залить ее холодными струями душа, сбить приседаниями или подтягиваниями на турнике. Совершенно взбесившись, я вцепился зубами в угол стола, прожевал колкую прессованную фанеру, выплюнул. Зубы хотели есть, жрать, хавать, они били голодом по мозгам, словно паровой молот, и я бессильно и злобно рычал, как загнанный в ловушку матерый волк.

Течение времени не воспринималось совершенно. Не могу сказать, был еще вечер или уже полночь, когда пылающее в сознании пламя выгнало меня на улицу.

Пожалуй, даже не меня. Я просто присутствовал в своем теле, наблюдал за происходящим со стороны, выдавленный в угол непереносимой болью...

Двор у нашего дома. Темнота. Светит только три фонаря из пятнадцати. Чавкающие под ногами листья. Черные скелеты деревьев. Ни единого человека. Ноги быстрым неслышимым шагом несут по широкому кругу. Запахи... Кто-то жарит курицу, кто-то варит бульон. В подвале, за узким окном прячется кошка... Две кошки... А здесь только что прошла женщина... И у нее были месячные... Из горла невольно вырывается рычание.

Тень в соседнем дворе! Мужчина. Пожилой. Один. Выгуливает собаку...

Ноги мчат тело вперед.

Мужчина входит в пятно света под фонарем и превращается из тени в обычного пенсионера: мятые брюки, драповое пальто, очки в пластмассовой оправе. Огромными прыжками бросается навстречу ротвеллер.

– Фу-у! Ко мне! – доносится крик собачника.

Прыжок!!! Не ротвеллера – пес в считанных шагах внезапно затормозил, неестественно отгребая сильными лапами по мокрому асфальту. Прыгнуло мое тело. Совсем рядом с ухом лязгнули клыки, раздался скулящий вой. Я ощутил, как хрустнули под сомкнутыми челюстями шейные позвонки и привычным инстинктивным движением дернул головой в сторону, ломая добыче позвоночник. Рот наполнился све-

жей, парной кровью, блаженная истома прокатилась по телу, смывая боль, усталость, сводя все мышцы непередаваемым наслаждением...

Господи, хорошо-то как!!!

Разве можно сравнить с чем-либо такое наслаждение?..

Наркотики, вино, женщины – ничто...

Пошатываясь от удовольствия, я отшвырнул в сторону высосанную собаку, потряс головой. Собачник, желтый от электрического света, застыл на месте с отвисшей челюстью и громко икал, вытаращив глаза.

– Почему собака без намордника? – заявил я тоном разгневанного ветерана, развернулся и побрел домой.

Приснится же такое! Я сладко зевнул, потянулся под одеялом изо всех сил, до хруста в суставах, и приоткрыл глаз. Опять проснулся на пять минут раньше времени. И опять отлично отдохнул! Мякнув от полноты чувств, я откинул одеяло в сторону и опустил ноги на пол... И прямо перед носом ясно увидел скушенный край стола...

Только растерянностью можно объяснить то, что я присел рядом со столешницей и примерился зубами к следам укуса. Совпало четко...

Бред ведь, правда?

Я лег на пол и вытащил из-под кровати одну из дощечек, оставшихся со времен ремонта шкафчика в туалете. Примерился, в душе сознавая полный идиотизм своего поступка,

и вцепился в нее зубами... Кусок деревяшки, без осязательного сопротивления, отделился и остался у меня во рту... Вынув его, я пару минут рассматривал следы своих зубов, пытаюсь понять смысл происходящего, а потом снова впился в дощечку клыками. Зубы щелкнули, кусок дерева остался во рту.

Бред!

Взгляд упал на торчащий из доски шуруп... Клац – и он кушен у самого основания.

Бред.

Такого не бывает!!!

Не знаю, чем кончились бы размышления, но звон таймера погнал меня на работу... Завтракать не стал. Есть совершенно не хотелось.

На работе, переодевшись, я подкрался к верстаку, осторожно огляделся, затем взял болт-шестерку с сорванной резьбой, и осторожно сжал зубами... Разжевать его в мелкий порошок удалось без труда. Я сплюнул и пошел искать Терентий Палыча. По пятницам мы ездим на ЦФБ за лекарствами.

Вечером, ползая под передней подвеской со смазочным шприцом, я почувствовал, как качнулась машина под тяжестью забравшегося в салон человека, и услышал бодрый, знакомый голос:

– Вылезай, рулилка, рабочий день давно кончился!

– Ты где шляется, бездельник? – крикнул я Грише, загоняя нигрол в масленку левого кулака. – Почему тебя три дня не было?

– В городе бушует эпидемия, злостно скрываемая руководством мэрии! Я едва не пал жертвой борьбы микробов за существование. Схватка была долгой и кровопролитной. В том смысле, что в поликлинике дважды кровь на анализ брали. Когда предприняли третью попытку, пришлось сдаваться и признавать себя здоровым. Теперь, как честный ленинец, несу болезнь в массы. Вылазь, рабочий день кончился. Ты нарушаешь кодекс законов о труде.

– Сейчас. – Я ткнул шприцем в последнюю масленку, вылез из-под микроавтобуса и пошел переодеваться.

– Давай, Игорек, помянем светлую память Капитон Тихонича, который не перенес очередного посещения нашего сортира. Чего ты хихикаешь? Туалет, между прочим, для сердечников самое что ни на есть смертельно опасное место. Мрут они на горшках как мухи. Совершенно серьезно говорю. Пойдет инфарктник, не к столу будет сказано, поспать, поднатужится... а сердечко-то слабенькое... Брык, и можно забирать.

Он с хрустом свернул пробку на бутылке и плеснул водку в стакан.

– Хороший был мужик. Не зануда. Пусть ему земля – пухом. – Капелевич проглотил водку, обиженно крякнул, поморщился. Потом снова налил стакан и протянул мне. – Да-

вай, Игорек.

Я взял в шкафу пустую бутылку, набрал в нее воды из-под крана. Взял приготовленный мне стакан, залпом выпил, запил водой...

Камень приятно охлаждал спину, но влажный жаркий воздух, медленно текущий из окна, грозил быстро нагреть камеру до температуры духовки. Золотая палица оттягивала руку. Ноги онемели.

О-о, дьявол... Что это? Опять?!

Я встал, подошел к окну. Шум водопада, шелест листвы. Видимо, недалеко от тюрьмы растет дерево. Стена, выходящая на улицу, была заметно теплее всех прочих.

Опять горная долина... Правда, со времени последнего визита я успел немного успокоиться.

Скелет продолжал лежать на своем месте. Хотя, конечно, ему никуда идти не нужно. Я присел, осмотрел его нижнюю челюсть, практически оторванную невероятно разросшимися зубами. Провел языком по своим. Похоже, мне подобная участь не грозила. Мои резцы не выросли ни на миллиметр с тех пор как я загрыз... Не стоит обманывать самого себя – это был не сон. Я действительно загрыз эту псину! Нехорошо? Пусть в меня бросит камень тот, кто ни разу в жизни не съел ни одной котлеты! А я всего лишь сам сделал ту грязную работу, которую большинство предпочитает передоверять мясокомбинатам. Человек – это хищник, и против природы не попрешь...

– Отсутствие мяса в пище приводит к умственной и физической деградации, как утверждают американские ученые, – решительно подтвердил Гриша Капелевич, выпил и продолжил: – Именно поэтому вегетарианство так активно проповедуют почти все религиозные секты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.